

Аксель Панцер

ПОД ЧЁРНЫМ КРЕСТОМ

Книга вторая
ЗЕМЛЯ НЕПОКОРЁННЫХ

Аксель Панцер

**Под черным крестом. Книга
Вторая. Земля непокорённых**

«Автор»

2026

Панцер А.

Под черным крестом. Книга Вторая. Земля непокорённых /
А. Панцер — «Автор», 2026

1240–1283 годы. Тевтонский орден уже закрепился в Пруссии, но покорённая земля не стала покорной. Восстания вспыхивают вновь, старые союзы рушатся, крепости переходят из рук в руки, а война медленно движется на восток — к Надровии, Скаловии и Судовии. «Земля непокорённых» — вторая книга цикла «Под чёрным крестом», исторический роман о людях, оказавшихся между присягой, верой, памятью и правом на свою землю. Здесь нет вымышленных великих побед: Орден учится превращать дороги, договоры и крепости в систему власти, а прусские вожди — Геркус Монте, Скомант, Кантегерд, Скурдо — снова и снова выбирают между сопротивлением, спасением семьи и уходом. Это история не только о войне, но и о цене выживания — о домах, которые строят после пожара, о людях, которых переселяют, и о дороге, которая в 1283 году уходит дальше — за Неман.

© Панцер А., 2026

© Автор, 2026

Аксель Панцер

Под черным крестом. Книга Вторая. Земля непокорённых

ПОД ЧЁРНЫМ КРЕСТОМ

Книга вторая. «Земля непокорённых»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МИР, КОТОРОГО НЕТ

1240–1249

Аксель Панцер

ПРОЛОГ

ДОРОГА

Дорога начиналась не у ворот Торна. Там она уже была дорогой — утоптанной колеёй, по которой шли телеги, лошади и люди, привыкшие видеть над воротами чёрный крест. Начинаясь она дальше, там, где ещё недавно между кустарником и низкими соснами проходила старая тропа и где теперь люди Ордена рубили лес, стаскивали брёвна и подсыпали землю в самые сырые места.

Тулве остановил лошадь, потому что впереди лежало свежее дерево. Оно ещё пахло смолой. Двое работников обтёсывали бревно, третий стоял по колено в воде и ругался так старательно, будто болото возникло исключительно ему назло. Вайсбут смотрел молча. За последние годы он научился замечать не то, что построено, а то, что появится вслед за построенным.

— Раньше здесь ехали иначе, — сказал Тулве.

Сын посмотрел на него.

— Раньше здесь почти не ездили.

— Поэтому и ехали иначе.

Тулве хотел объехать людей по краю, но работник махнул рукой: там вязко. Пришлось ждать, пока бревно уложат поперёк низины. Обычная работа. Никто не произносил громких слов. Никто не говорил, что ещё несколько саженей земли стали ближе к Торну. Люди просто хотели, чтобы телега не тонула.

Вайсбут следил за ними дольше, чем требовалось.

— Сначала дорога, — сказал он.

Тулве вздохнул. Он уже знал продолжение.

— Потом по ней поедут люди. Потом скажут, что дорогу надо защищать. Потом поставят место для стражи. Потом стену.

— А потом ты всё равно повезёшь по ней мёд.

— Пока можно.

Тулве тронул лошадь. Вайсбут поехал следом. Спорить дальше не имело смысла: оба знали, что каждый говорит о своём и оба в чём-то правы. Для старого торговца хорошая дорога означала меньше сломанных колёс, меньше погибших лошадей и больше товара. Для сына — движение, за которым всегда следовало чужое право решать, где проезжать, где платить и кто отвечает за безопасность.

У реки строили мост. Пока не настоящий мост через большую воду — переправа и настил там, где весной разлив превращал берег в широкую грязную полосу. Люди ставили сваи. Один топор соскользнул, и мужчина едва не упал в воду. Все засмеялись, включая его самого.

Вайсбут спросил, кто приказал строить.

Тулве пожал плечами.

— Тот, кому надо, чтобы ехали.

— Орден.

— И я.

— Ты не приказывал.

— Я буду пользоваться.

Вайсбут ничего не ответил. Он смотрел на сваи.

В Торне Христиан в это время проверял другой лес — мокрые балки возле склада. Несколько дней шёл дождь, крыша пропускала, и часть древесины отсырела. Молодой брат доказывал, что это не страшно: высохнет. Христиан велел переложить. Брат спросил, кто приказал.

— Я.

Ответ вышел слишком похожим на старые ответы Балка. Христиан заметил это и разозлился на себя. Балка не было больше года, но человек продолжал возникать в самых простых вещах: мокрым зерне, слабой лошади, плохой свае, неверной записи. Не в памятных речах. В привычке проверять.

К полудню прибыл посланник. Христиан увидел его у ворот и сначала подумал о Пруссии: очередное нападение, спор, письмо из Кульма. Но весть пришла издалека.

Конрад Тюрингский умер в Риме двадцать четвёртого июля.

Молодой брат рядом спросил:

— Кто теперь великий магистр?

— Пока никто.

— И что изменится?

Христиан посмотрел на склад, на людей у ворот, на телегу, которую разгружали уже без его участия.

— Пока ничего.

Это прозвучало почти страшнее, чем если бы изменилось всё.

Когда умер Герман фон Зальца, казалось, что вместе с ним исчез центр, вокруг которого столько лет вращались решения. Потом умер Балк. Теперь Конрад. Люди один за другим уходили, а стены оставались. Писари продолжали открывать книги. Караулы менялись. Торговцы ругались о цене соли. Кто-то просил судить межу, кто-то — разрешить поставить навес. Орден продолжал существовать не потому, что нашёл нового Германа, а потому, что научился делать множество вещей без него.

Тулве и Вайсбут приехали к вечеру. Привезли воск, шкуры и немного мёда. Христиан встретил их возле рынка.

— Дорога лучше, — сказал Тулве вместо приветствия.

— Значит, заплатишь больше пошлины.

— Тогда хуже.

Вайсбут не улыбнулся. Он спросил о мосте. Христиан ответил: нужен для весны, иначе телеги встанут.

— Потом там будет стража?

— Возможно.

— Потом стена?

— Не знаю.

Тулве посмотрел на сына, потом на Христиана.

— Вы двое когда-нибудь можете говорить о мёде?

В тот же вечер Вайсбут услышал о смерти Конрада. Он переспросил имя, будто хотел убедиться, что понял.

— Тот человек умер?

— Конрад, — сказал Христиан.

— Да. Умер?

— Умер.

Вайсбут перевёл взгляд на стену.

— Стена осталась.

Христиан вспомнил, как когда-то сам Тулве спрашивал после смерти Германа фон Зальца, останутся ли стены и уйдёт ли Орден. Тогда вопрос старого торговца звучал почти практично. У сына те же слова имели иной смысл.

Ночью снова пошёл дождь. Вода стекала с крыши, стояла в колеях, собиралась на свежей просеке. Христиан проснулся раньше колокола и вышел к воротам. За ними серел путь, который люди вчера расширяли. Он не знал имени следующего великого магистра. Не знал, где будет Вайсбут через год. Не знал, сколько ещё стен появится вдоль этой дороги.

К утру на свежей просеке стояла вода, но люди снова вышли к мосту.

Работа продолжилась.

На следующий день Тулве задержался в Торне дольше обычного. Ему надо было получить деньги за воск, купить соль и выяснить, почему один из купцов второй раз подряд уменьшает цену мёда, ссылаясь на плохую дорогу, хотя дорога как раз становилась лучше. Тулве считал это личным оскорблением здравого смысла и спорил так долго, что Вайсбут ушёл к мосту один.

Там работали люди, которых он уже видел вчера. Один менял повреждённую сваю, другой вычерпывал воду из ямы деревянным ковшом. Вайсбут спросил, платит ли им Орден. Ответ оказался сложнее: кому-то Орден, кому-то город, кто-то отрабатывает долг, один пришёл со своей телегой и получит право пользоваться переправой дешевле. Такого ответа Вайсбут не любил. Было бы проще, если бы всё строили только братья в белых плащах. Тогда мост был бы их вещью без остатка. Но на сваях работали люди, которым нужен был тот же путь.

Он вернулся к отцу поздно. Тулве уже закончил спор и сидел на мешке соли.

— Дешевле? — спросил Вайсбут.

— На два денария.

— Стоило полдня?

— Если каждый раз уступать два, через год будешь работать бесплатно.

Вайсбут усмехнулся.

— Значит, ты тоже не любишь, когда начинают с малого.

Тулве посмотрел на сына и понял, куда тот ведёт. Возражать не стал. Иногда молодой человек замечает в словах отца то, чего отец предпочёл бы не замечать сам.

У ворот они увидели Христиана. Тот проверял список людей, ушедших на заготовку леса. Не караул, не войско — плотники и возчики. Но у каждого второго было оружие. Вайсбут остановился.

— Видишь?

Тулве видел. Дорога становилась удобнее, и вместе с удобством менялась привычка. Человек брал копьё туда, где раньше брал только топор.

— Вижу, — сказал он. — И всё равно завтра поеду этой дорогой.

Вайсбут ничего не ответил. В этом и была их разница: отец видел опасность и продолжал жить внутри неё; сын видел опасность и считал саму привычку к ней поражением.

Перед отъездом Вайсбут ещё раз оглянулся на мост. Работники уже не различались по лицам, только по движениям: один нёс бревно, другой поправлял сваю, третий звал товарища. Ничего похожего на завоевание. Именно это тревожило сильнее всего. Земля менялась не только в дни походов. Она менялась в обычное утро, когда человек хотел просто перейти воду сухими ногами. Тулве позвал сына. Они выехали из Торна, оставив за спиной стук топоров, который ещё долго слышался на дороге.

ГЛАВА 1

ВТОРОЙ ПОКОЙНИК

После мессы по Конраду Тюрингскому Христиан пошёл смотреть зерно.

Это показалось одному из молодых братьев почти неприличным. Только что молились за душу великого магистра, а теперь старший брат стоял в складе и запускал руку в мешок.

— Сырое, — сказал Христиан.

Возчик пожал плечами. Дождь шёл трое суток, крытые телеги тоже промокают.

— Переложить верхние мешки. Эти развязать. Если оставить так, согреется и испортится.

— Кто приказал?

— Я.

Через несколько мгновений Христиан снова услышал в себе Балка. Когда-то тот точно так же мог выйти после капитула и спорить о соломе под зерном. Тогда Христиан считал это почти смешным. Теперь понял: смерть высоких людей не отменяла плесени.

К полудню пришёл Матвей. С ним был немецкий поселенец Отто и писарь с книгой участков. Спорили об узкой полосе земли между двумя участками — настолько узкой, что по ней едва проходила телега, зато именно через неё удобнее всего было идти к воде.

Отто утверждал, что границу давали по старому дубу. Дуба больше не было. Матвей утверждал, что проходом пользовалась его семья ещё до появления городских межей. Один свидетель помнил дуб левее, другой правее. Третий вообще не видел смысла в вопросе, потому что в его молодости никто не мерил здесь землю верёвкой.

Христиан долго слушал, потом спросил Матвея, чего тот хочет.

Не земли Отто. Прохода.

— Балк бы помнил, — сказал Матвей через переводчика.

Христиан посмотрел.

— Возможно.

— Он видел.

— Да.

— Поэтому спрашиваю тебя.

Вот что осталось после умерших: люди приходили к живым и требовали чужую память.

— Я не помню, — сказал Христиан.

Матвей нахмурился. Он ожидал другого.

Христиан велел перемерить участок, оставить совместный проход к воде и дороге, а новые знаки поставить так, чтобы их нельзя было спутать с одним деревом, которое когда-нибудь снова исчезнет.

Отто был недоволен. Матвей тоже. Христиан счёл это неплохим признаком.

— Записать подробно, — сказал писарю. — Не «до дуба». Камни, расстояние, проход.

— Столько текста из-за полосы земли?

— Через десять лет из-за короткой строки будет длиннее.

Вечером пришло письмо. Не имя нового великого магистра — подтверждение, что прежние назначения, обязанности и права продолжают действовать до новых распоряжений. Молодой брат прочёл и спросил, что это значит.

Христиан ответил:

— Работать.

Он не хотел произносить ничего величественнее. В письме и не было величия. Именно поэтому оно было важным. Смерть Конрада не отменяла долгов, не снимала гарнизоны и не возвращала землю тем, кто считал её отнятой.

На следующий день Христиан поехал к строящемуся мосту. Вайсбут стоял там с Тулве. Старик ругался с человеком, который хотел слишком дорого продать соль рабочим. Сын смотрел на сваи.

— Дорога помогает телеге, — сказал Христиан. — Мост помогает торговцу. Стена защищает рынок.

— И держит землю, — ответил Вайсбут.

— Да.

Христиан не стал спорить. Чем старше становился, тем меньше любил ложь, которую произносили ради успокоения.

— Значит, я прав.

— В части.

— Какой?

— В той, где всё связано. Но связь не означает, что один человек утром решил: сначала дорога, потом мост, потом взять всю землю. Один хотел перевезти зерно. Другой не потерять телегу. Третий защитить переправу.

Вайсбут смотрел на него.

— А получилось всё вместе.

Христиан не ответил.

К осени имя нового великого магистра ещё не вошло в местную жизнь. Люди сначала спрашивали каждый день, потом перестали. Гораздо чаще спрашивали, можно ли проехать, кто отвечает за мельницу, будет ли зерно, вернулся ли отряд.

Писарь однажды сказал, что, наверное, так и возникает порядок: сначала человек помнит решение, потом его помнит книга, потом никто уже не помнит человека.

Христиан спросил:

— Это тебе нравится?

— Не знаю.

— Мне тоже.

Поздно вечером прибыл посланник. Молодой брат выбежал навстречу, уверенный, что наконец привезли имя великого магистра. В сумке оказалась просьба прислать железные скобы для ремонта ворот.

Христиан прочитал и засмеялся.

— Что?

— Ничего. Завтра отправим железо.

Нового имени всё ещё не было.

Работа была.

Через несколько дней новый спор вернул Христиана к той же мысли. Два человека пришли из поселения за лесом: один утверждал, что Орден обещал ему древесину для ремонта дома, другой — что та же делянка давно используется несколькими семьями. Никакой грамоты о первом обещании не нашли. Только свидетель — старый возчик, уверенный, что слышал разговор Балка с покойным отцом одного из спорящих.

— Балк обещал? — спросил Христиан.

— Да.

— Что именно?

Старик замялся. Разрешить взять деревья. Или пользоваться краем леса. Или взять столько, сколько нужно на крышу. Чем больше его спрашивали, тем менее точной становилась память.

Христиан не стал превращать уважение к мёртвому в доказательство. Разрешил взять лес на одну крышу и отдельно записал, что постоянное право не подтверждено.

Писарь спросил:

— А если через год скажут, что ты отказался признавать обещание Балка?

— Скажут.

— И?

— Тогда достанем запись и будем спорить снова.

Писарь тяжело вздохнул.

— Иногда мне кажется, мы только записываем будущие ссоры.

— Тогда записывай так, чтобы они были короче.

В тот же вечер из Кульма привезли просьбу о железных скобах и новом замке для ворот. Молодой брат, ещё недавно ожидавший имя великого магистра, теперь даже не спросил о нём. Он уже понял: большая история приходит редко, мелкая не прекращается никогда.

Христиан вышел во двор после вечерней молитвы. Стена темнела на фоне неба. За ней шумела дорога. Он подумал, что второй покойник за короткое время должен был бы сделать Орден слабее. Но ощущалось иначе: каждый умерший оставлял после себя не только пустое место, но и людей, которые уже умели делать часть его работы. Это было силой Ордена. И тем, что могло напугать Вайсбуа сильнее любого магистра.

ГЛАВА 2

НОВЫЙ МАГИСТР

Герхард фон Мальберг приехал зимой покрытый грязью так, что белый плащ узнавался главным образом по чёрному кресту.

Первым делом он не спросил о великом мастре, папе или императоре. Спешившись, провёл ладонью по задней ноге коня и велел привести человека, который разбирался в хромоте. Только потом вошёл в дом Ордена.

За столом говорили о том, что Орден расползается по миру быстрее, чем один человек способен видеть. Акко. Германия. Италия. Пруссия. Ливония. Каждый дом присылал письма, в которых его беда выглядела самой срочной.

Один брат сказал, что Пруссии нужны люди. Другой — что Востоку деньги. Третий напомнил о папской курии. Герхард слушал и наконец спросил:

— Кто из вас был в Пруссии?

Молчание оказалось короче, чем он ожидал, но длиннее, чем хотелось.

— Вот поэтому письма не равны пониманию.

Позднее ему сообщили, что его имя всерьёз обсуждается как имя следующего великого магистра. Герхард выругался вполголоса. Он достаточно долго служил рядом с людьми, которые знали Германа фон Зальца, чтобы понимать ловушку.

— Они хотят ещё одного Германа?

— Нет.

— Тогда хорошо.

— Они хотят великого магистра.

— Это хуже.

Избрание не произошло одним торжественным утром. Письма, разговоры, согласия, люди в разных домах Ордена. К концу 1241 года выбор стал реальностью. Герхард принял его без попытки изображать, будто знает все земли, которыми теперь должен заниматься.

Первое, что он потребовал от людей вокруг себя, — не менять без необходимости то, что работает.

— Новый магистр не обязан доказывать, что новый.

Это понравилось не всем. Некоторые ожидали назначений, перемещений и демонстрации власти. Герхард отправил в Пруссию короткое письмо: прежние решения по земле, гарнизонам и обязанностям сохранять, пока нет причины пересматривать.

Христиан прочитал его в Торне.

Молодой брат спросил:

— Какой он?

— Другой.

— Ты про Конрада говорил то же.

— Значит, мне везёт.

— Хороший?

— Не знаю.

В этот момент во двор ворвался человек с жалобой на лес. Соседи рубили там, где, по его словам, не имели права. Христиан свернул письмо.

— Вот и проверим, помогает ли нам новый великий магистр с этим лесом.

Не помогал.

Герхард в феврале 1242 года ехал к римской курии как посланник императора Фридриха Второго. Путь проходил совсем не через Пруссию. Он снова оказался между папой и императором, там, где Герман фон Зальца когда-то умел удерживать доверие обоих.

Перед дорогой один из старых братьев сказал:

— Герман бы знал, как говорить.

Герхард остановился.

— Герман мёртв.

Сказал без грубости.

— Я могу носить тот же плащ и ту же должность. Его доверие мне не досталось вместе с печатью.

В Пруссии об этом никто не слышал. Там Тулве торговал воском, Матвей спорил о проходе к воде, а Вайсбут всё реже появлялся с отцом.

— Где сын? — спросил Христиан.

Тулве пожал плечами.

— Ездит.

— Куда?

— К другим.

— Каким?

— Тем, которым не нравятся дороги, мосты, межи и стены.

Христиан посмотрел.

— Ему всё это не нравилось давно.

— Теперь он нашёл людей, которым тоже.

На рынке в этот день спорили о цене соли. Тулве включился мгновенно и через несколько минут уже доказывал, что торговец пытается воспользоваться слухами о войне, которой ещё нет.

Христиан усмехнулся.

— Хороший спор.

— Почему?

— Потому что не о земле.

К концу дня они договорились о цене.

Герхард фон Мальберг в это время ехал на юг, пытаясь быть посредником между императором и папой. Вайсбут двигался по прусским дорогам в другую сторону, к людям, которые всё чаще считали новый порядок чужим.

Между этими двумя дорогами пока не было видимой связи.

Она появится очень скоро.

В самой Пруссии начало 1242 года выглядело гораздо менее торжественно, чем дипломатические дороги Герхарда. Христиан получил три письма за одну неделю. Первое сообщало о споре у переправы. Второе — о нападении на небольшую группу людей возле леса, причём неясно было, было ли это нападение частью общего сопротивления или старой мстью. Третье пришло от священника, который просил сопровождение, чтобы добраться к больному.

— Какое важнее? — спросил писарь.

Христиан положил письма рядом.

— Для больного — третье. Для дороги — второе. Для тех, кто спорит о пошлине, — первое.

— А для великого магистра?

— Если узнаешь, спроси.

Герхард тем временем в Италии снова сталкивался с тем, что от него ждут не только управления Орденом, но и старого искусства посредничества. Один императорский человек назвал его продолжателем Германа. Герхард ответил холоднее, чем собирался: продолжить можно должность, не человека.

В письме на север он повторил мысль иначе: «Не меняйте установленного лишь для того, чтобы показать, что власть новая». Христиан, читая, подумал, что это разумно. Вайсбут, если бы услышал, вероятно, ответил бы: именно поэтому стены переживают людей.

Тулве однажды приехал без сына. Купил соль, продал две шкуры и задержался возле Христиана.

— Он сердится, — сказал старик.

— На меня?

— На всё.

— Удобно.

— В молодости да.

Тулве рассказал, что Вайсбут ездит по поселениям, слушает людей, у которых есть собственные жалобы. Кто-то потерял землю, кто-то считает кресты на дороге первым шагом к новому сбору, кто-то ненавидит конкретного брата Ордена, кто-то просто повторяет услышанное. Вайсбут собирал эти разные причины в одну картину.

— А ты?

— Я вижу много картин.

— Это лучше?

— Для торговли — да. Для сына — нет.

Когда Тулве уехал, Христиан долго смотрел на дорогу. Где-то на юге новый великий магистр пытался удерживать связь между папой и императором. Здесь молодой прусс учился видеть связь между мостом, судом и стеной. Орден был слишком велик, чтобы эти две линии замечали друг друга сразу. Но последствия каждой однажды встретятся на одной земле.

ГЛАВА 3

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ БЕРЕГ

Весной Висла вышла из берегов и напомнила людям, что их межи существуют только на суше.

Христиан стоял у пристани и смотрел, как вода несёт ветви, куски льда и целое дерево, вырванное где-то выше. Лодки оттащили дальше. Две телеги с солью ждали, когда можно будет разгрузиться.

Именно из-за них начался спор.

Генрих Ротер, купец из Торна, потребовал освободить старую площадку у воды. Там его люди привыкли разгружать соль, масло и ткань. Прусский лодочник Вискант сказал, что площадка принадлежит его семье в другом смысле: здесь ставили лодки, сушили сети, выводили скот к воде ещё до города.

— У меня городское право, — сказал Генрих.

Вискант ответил через переводчика:

— А у меня отец.

Христиан закрыл глаза.

Снова.

Осмотрели колья. Новые и старые. Записи. Свидетелей. Немецкий поселенец помнил, что местные лодки стояли здесь, когда он только приехал. Человек из Кульма говорил то же. Прусс назвал имена семей.

Писарь начал записывать и снова споткнулся о местное имя.

— Пиши как слышишь, потом повтори человеку, — велел Христиан. — Если через тридцать лет сын не узнает имя отца, книга хуже памяти.

Комтур считал иначе: город получил права на торговлю и пристань, а то, чего нет в записях, нельзя бесконечно противопоставлять новому порядку.

Христиан ответил:

— Нельзя и новым текстом сделать вид, будто прежнего пользования не было.

Решение получилось неудобным для всех. Старую площадку оставили лодочникам и тем, кто мог подтвердить привычное пользование. Для торговой разгрузки начали устраивать вторую, ниже по берегу.

Генрих Ротер считал, что его заставили платить за чужой обычай. Вискант — что половину берега всё равно забрали. Христиан подумал, что иногда справедливость выглядит именно так: никто не счастлив настолько, чтобы назвать решение своей победой.

Вайсбут появился вечером. Один. Он долго смотрел на обе площадки.

— Право получает тот, кто успел пожаловаться?

— Тот, кто доказал.

— Вашей записью. Вашим судом.

— Свидетелями тоже.

Вайсбут показал на город.

— Всё равно под вашей крышей.

Христиан хотел сказать, что до Ордена у пруссов тоже не было одного суда для всей земли, но остановился. Это было бы верно и не отвечало бы на вопрос.

— Под нашей, — признал он.

Вайсбут кивнул.

— Дорога дальше. Мост дальше. Берег дальше.

В тот же день пришли купцы снизу по Висле. Жалобы были другими: на одной из переправ люди Святополка требовали плату. Не грабили. Именно требовали. Ссылались на княжеское право.

Комтур развернул карту.

— Ему нужна Висла.

Христиан посмотрел на реку за окном.

— Никому не нужна вся река. Нужен проход.

— Проход и есть власть.

Вот это было ближе к истине.

Пока Орден был союзником в войне с пруссами, Святополк видел в его крепостях полезную силу на востоке. Теперь крепости, дороги, пристани и суды постепенно связывались между собой. Князь смотрел на тот же процесс со своего берега.

К вечеру Висла начала спадать. Открылись грязные полосы земли. Люди тут же пошли ставить колья и спорить, где заканчивается одна площадка и начинается другая.

Река текла на север, не спрашивая, кому принадлежит её середина.

Берега спрашивали всё чаще.

Спор о второй пристани оказался дороже, чем ожидали. Землю пришлось укреплять, подвозить дерево, ставить новые колья. Генрих Ротер дважды приходил с расчётом и каждый раз доказывал, что город должен возместить расходы. Вискант приходил вслед и требовал, чтобы новая площадка не перекрывала место, где весной вытягивают лодки.

Христиан однажды посадил обоих за один стол.

— Если вы ещё раз придёте по отдельности, я возьму с каждого плату за время писаря.

Генрих возмутился:

— За суд?

— За повторение.

Висканту перевели. Тот рассмеялся. Купец не оценил, но разговор наконец стал практичнее. Определили ширину прохода, место для складирования груза и часы, когда лодочники не должны перекрывать разгрузку сетями.

Писарь, переписывая условия, спросил:

— Это теперь право?

Христиан ответил:

— Пока договор между людьми. Если будут соблюдать долго, потом кто-нибудь назовёт обычным правом.

Вечером пришёл лодочник снизу. Он рассказал, что на другом участке Вислы одни люди требуют плату от имени Святополка, другие — от имени местного господина, третьи просто потому, что стоят с оружием.

— И кому платишь? — спросил Христиан.

— Тому, у кого больше людей.

— Хорошее право.

— На воде работает.

Эта простота была опаснее любой юридической формулы. Там, где власть не могла обеспечить проход, право быстро измерялось числом копий.

Вайсбут, снова увидев новую пристань, заметил, что возле неё уже поставили навес и место для весов.

— Вчера этого не было.

— Торговля растёт, — сказал Тулве.

— Вот именно.

Старик не спорил. Он сам привёз товар и пользовался весами. Новое устройство раздражало сына и кормило отца. Оба знали это, и ни один не мог сделать вид, будто противоречия нет.

ГЛАВА 4

СВЯТОПОЛК

Святополк Второй Померельский не любил доклады, в которых не было цифр.

Когда человек сказал, что купцы жалуются на новую плату, князь спросил, сколько лодок, какой груз, откуда шли, кто именно взял деньги и на каком основании. После третьего вопроса выяснилось, что говоривший знает только слово «жалоба».

— Тогда узнай остальное.

Он не хотел начинать войну из-за чужой привычки преувеличивать.

Висла была слишком важна.

Не только для Ордена. Для него самого. Для Гданьска, переправ, торговли, людей, которые жили с реки. Если каждый вооружённый человек станет назначать собственную пошлину, князь потеряет право раньше, чем Орден получит его.

Поэтому, когда выяснилось, что один из его сборщиков задержал торнскую лодку без достаточного основания, Святополк приказал отпустить.

— Я не запрещаю брать то, что принадлежит мне по праву. Я запрещаю сначала брать, потом вспоминать, почему.

Советник спросил, не слишком ли мягко.

— Мягко — отдать Вислу. Это порядок.

В его памяти всё ещё был Герман Балк.

Когда-то Святополк приехал в Торн как союзник. Осмотрел укрепления, город и сказал Балку:

— Уже слишком много, чтобы унести.

Тогда это было почти похвалой.

Позже в походе он видел, как Балк ведёт войну не только мечом. Где поставить телегу. Как пройти низину. Почему нельзя гнаться ночью туда, где противник хочет, чтобы ты гнался. Как удержать людей от бессмысленного пожара. Они понимали друг друга лучше, чем обязаны были два столь разных человека.

Теперь Балк умер.

Орден остался.

И именно это беспокоило Святополка сильнее.

С князем можно договориться через его сына, брата, наследство и страх смерти. У Ордена не было сыновей. Один магистр умирал, другой принимал печать. Крепость не старела вместе с человеком.

К этому добавлялся Самбор.

Семейный конфликт в Померелии был старше части нынешних споров. Самбор искал поддержку там, где мог её получить, и связь с Орденом не могла не тревожить Святополка. Он не считал брата пешкой тевтонцев. Это было бы слишком удобно. Самбор имел собственные претензии, собственную гордость и собственных людей. Но интересы иногда совпадают без тайного замысла.

Святополк вызвал его на разговор.

Ожидаемо получил уклончивый ответ.

— Пусть будет письменно, — сказал князь.

— Зачем?

— Чтобы завтра никто не сказал, что мы молчанием согласились.

Похожее письмо ушло Ордену. В нём Святополк спрашивал о торнских купцах, переправах и контактах с его родственниками. Ответ пришёл вежливый и такой осторожный, что после чтения князь знал почти столько же, сколько до него.

— Они учатся у папской курии, — сказал советник.

— Нет. Курия отвечает длиннее.

Летом Святополк выехал к Висле сам. Стоял возле воды, смотрел на суда. Купец пожаловался, что платить приходится слишком многим.

— Мне платишь?

— Плачу.

— Тогда жалуйся на остальных.

Купец не оценил.

Осенью пришли сообщения о вооружённых группах среди пруссов. Кто-то предложил воспользоваться.

— Заключить союз.

Святополк спросил:

— С кем?

— С пруссами.

— Какими?

Советник замолчал.

Вот проблема. Не было одного человека, который говорил бы от имени всей Пруссии. Помезане, вармийцы, натанги, барты — земли, роды, семьи, старые обиды. Одни крестились. Другие нет. Одни торговали с Орденом. Другие уже брались за оружие.

— Пока готовиться, — решил Святополк. — Но не давать обещаний тому, кто не может обещать за остальных.

Зимой к нему через торговые связи попал Тулве. Старый прусс был полезен именно тем, что не изображал из себя представителя народа.

— Что думают пруссы? — спросил один княжеский человек.

Тулве оглянулся.

— Соберите всех, тогда спросите.

Святополк рассмеялся.

Он спросил о сыне.

Вайсбут считает, что Орден не остановится: крепость требует дороги, дорога охраны, охрана земли.

— А ты?

— Я торгую.

— Пока можно?

Тулве посмотрел внимательнее.

— Пока можно.

Весной 1242 года Святополк отдал приказ людям на Висле: первыми не начинать без его воли. Если нападут — защищаться.

Это не было миром.

Но ещё не было открытой войной.

Между прежними союзниками лежала река, и каждый берег всё хуже видел в другом человека, с которым когда-то ехал одним походом.

Весной Святополк снова выехал к одному из речных постов. Люди узнали князя заранее и успели привести всё в порядок настолько, что это само по себе вызывало подозрение. Он проверил книги сборов, спросил, сколько лодок прошло за неделю, сколько задержали и почему.

Одна запись показалась странной: торнский купец заплатил больше обычного.

— Почему?

Сборщик ответил: груз тяжёлый.

— Право берётся с тяжести?

Тот замялся.

— Тогда верни разницу.

Советник после сказал, что князь делает подарок противнику.

— Нет. Я не даю своему человеку превратить моё право в его добычу.

В другой день Святополк разговаривал со священником, который предупреждал: война с Орденом опасна не только военными последствиями. Князь — христианин. Орден умеет писать в Рим. Папская курия видит войну иначе, чем лодочник на Висле.

— Я не воюю с Церковью, — сказал Святополк.

— Орден скажет, что ты помогаешь язычникам против христианского дела.

— А если Орден помогает моему брату против меня?

— Тогда пиши это первым.

Святополк усмехнулся. В этом и состояла новая война: сначала копье, потом письмо, потом спор о том, что означало копье.

Тулве в тот период оказался полезнее придворных советников именно потому, что не обещал общей картины. На вопрос, готовы ли пруссы воевать вместе, он ответил:

— Некоторые готовы воевать. Вместе ли — узнаете, когда соберутся.

— А твой сын?

— Готов раньше, чем нужно.

Святополк посмотрел на старика внимательнее.

— Ты против?

— Я отец.

Этого ответа князю оказалось достаточно.

ГЛАВА 5

ПЕРВЫЙ ОГОНЬ

Альбрехт не вернулся к ужину.

Это сначала не показалось войной.

Возчик часто задерживался. Был толст, плохо сидел на лошади и умел находить причину остановиться там, где продавали пиво. Жена поругалась, накрыла еду и легла спать.

Утром не было ни Альбрехта, ни трёх телег.

К полудню Христиан отправил искать. С молодым братом Арнольдом поехал Матвей: он лучше знал местные тропы и язык.

К вечеру вернулась одна лошадь.

Без человека.

Арнольдова.

Тогда слово «задержался» исчезло.

Искали уже большим отрядом. Телеги нашли в низине возле леса. Одну опрокинули, две разграбили. Альбрехт лежал возле колеса. Ещё двое были мертвы. Двух людей не нашли.

Матвея обнаружили позже, в кустарнике. Ранен в бок, но жив. Арнольд лежал дальше, без оружия и почти без сознания. Его сочли мёртвым и потому не добились или просто не заметили.

Христиан сидел возле Матвея, пока тот мог говорить.

— Кто?

Ответ оказался хуже имени.

Разные.

Матвей узнал одного человека — знакомого его брата Сурвы. Самого Сурвы не видел.

— Почему напали?

Матвей раздражённо посмотрел. Почему люди вообще нападают во время войны, которая ещё не названа войной?

Он перечислял то, что слышал: из-за дороги; из-за земли; из-за железа в телегах; из-за старых наказаний; потому что кто-то потерял участок; потому что не хочет крещения; потому что крещён и всё равно недоволен; потому что князь на западе тоже воюет; потому что теперь можно.

Последнее Христиан переспросил.

— Что значит «можно»?

Матвей пожал плечами.

Раньше человек боялся, что сосед не поддержит. Теперь видел дым в другом месте и понимал: он не один.

— Святополк?

Матвей покачал головой.

Не видел.

Не знает.

Христиан прекратил.

Вдова Альбрехта выслушала рассказ молча. Потом спросила:

— Прусы?

— Среди них были пруссы.

— Значит, пруссы.

— Не все.

Она посмотрела на Христиана с ненавистью.

— Моему мужу легче от этого?

Нет.

Конечно нет.

Но для следующего решения разница была огромной. Если объявить врагами всех, половину врагов можно создать собственным приказом.

Альбрехта похоронили.

Через два дня сгорел маленький склад с сеном и овсом возле дороги. Кто поджёг — неизвестно. Потом перестали приходить несколько торговцев. Не потому, что их убили. Они услышали про дорогу.

Христиан сказал комтуру:

— Вот теперь началось.

— Когда?

— Не знаю. Наверное, раньше, чем мы заметили.

Тулве увидел Вайсбу́та ночью.

Сын пришёл один, спрятав лошадь дальше от дома. На рукаве кровь.

Тулве сразу посмотрел.

— Твоя?

— Нет.

— Чья?

Вайсбүт не ответил.

Они вошли в амбар, чтобы не будить остальных. Там пахло зерном и старым деревом.

— Ты был на дороге?

— На другой.

— С кем?

— Люди.

— Какие?

— Разные.

Тулве закрыл глаза.

— Ты напал на обоз?

— Нет.

— Уверен?

Вайсбүт вспыхнул.

— Я сказал.

— Хорошо.

Отец поверил. Это не облегчало.

Сын рассказывал: люди собираются по родам и поселениям, кто-то приезжает издалека, слухи идут быстрее всадников. Одни говорят, что Святополк даст оружие. Другие, что уже дал. Никто не видел своими глазами. Это не важно: слух тоже собирает людей.

— Орден слабее, чем думает, — сказал Вайсбүт. — Сейчас можно.

— Что можно?

— Выгнать.

— Куда?

— Отсюда.

— Куда именно?

Вайсбүт раздражённо отвернулся.

— Ты опять.

— Потому что ты опять говоришь слово, у которого нет края.

— Ты всё равно выберешь их.

Тулве замер.

— Никогда больше не говори мне это.

— Ты торгуешь с ними.

— Торговля не присяга.

— Во время войны придётся выбрать.

Тулве смотрел на сына.

— Она уже началась, если сын говорит отцу такую вещь.

Вайсбут ушёл до рассвета.

Сообщения приходили всё чаще. В одном месте вооружённые люди остановили дорогу. В другом напали на людей Ордена. Где-то сожгли пост. Где-то поселение просто отказалось пускать чужих.

В донесениях появлялись названия земель — Помезания, Вармия, Натангия, Бартия. Иногда писари ставили рядом вопросительный знак, потому что человек, принёсший весть, сам не знал, откуда именно были нападавшие.

Христиан велел отмечать только подтверждённое.

— Так карта будет пустее, — сказал писарь.

— Зато честнее.

Большие укрепления держались. Торн. Кульм. Эльбинг. Балга. Но между ними дорога переставала быть нейтральной землёй.

Святополк получил известия почти одновременно. Советник предложил использовать момент.

— Пруссы уже поднялись.

— Какие?

Святополк всё ещё задавал тот же вопрос.

Но теперь приказал людям на Висле готовиться ко всему. Это уже было больше прежней осторожности.

В Торне осенью усилили караулы. Запасы перенесли ближе к стенам. Лошадей держали так, чтобы можно было быстро увести. Поодиночке ездить запретили.

На совете впервые вслух произнесли:

— Всех не защитим.

Христиан посмотрел на говорившего. Само признание было страшным, но полезным. Нельзя обещать людям стену там, где стены нет.

Решили предупреждать только те поселения, которым угрожает подтверждённая опасность. Если собрать всех в городе, зимой нечем будет кормить ни людей, ни скот.

Вечером к воротам пришли семьи. С детьми, мешками, двумя козами. Они не знали, горит ли их дом. Просто услышали, что на дороге вооружённые.

Христиан велел пустить на ночь.

— А завтра?

— Завтра решим.

Тулве приехал через неделю с товаром.

— Ты сумасшедший? — спросил Христиан.

— Вы едите?

— Да.

— Значит, торговать надо.

Он привёз соль и мёд. Цена выросла.

— Пользуешься войной.

— Война пользуется мной тоже.

Христиан спросил о Вайсбуге.

Тулве не сказал, где он. Возможно, сам не знал.

Ночью подняли тревогу. На дороге появились огни. Караул приготовился к нападению. Людей подняли со сна.

Оказались беженцы.

Женщины. Дети. Два раненых мужчины.

За ними далеко горело ещё одно поселение.

Христиан стоял на стене. Чёрный крест над воротами в темноте почти не был виден. Стена — была.

Молодой брат спросил:

— Что делать?

Христиан смотрел на людей, идущих к воротам.

— До утра — ничего глупого.

Потом открыть.

Утро после ночной тревоги началось с подсчёта. Беженцев оказалось больше, чем казалось в темноте. Три семьи из одного поселения, две из другого, один старик без родных и мальчик, который не мог сказать, где мать. Христиан распределял места не как воин, а как хозяин слишком тесного дома.

— Этим в склад нельзя, там зерно. Семьи с детьми — под навес, пока освободят помещение. Скот отдельно.

Комтур спросил:

— На сколько дней?

— Не знаю.

— Зима впереди.

— Знаю.

Проблема беженцев быстро показала другое лицо войны. Если дать людям остаться, город должен их кормить. Если отправить обратно слишком рано — возможно, отправишь на смерть. Если переселить в другое место — чья там земля? Кто будет отвечать за имущество, оставленное дома?

Одна женщина требовала вернуться уже на второй день.

— Там свиньи.

— Дорога опасна.

— Свиньи тоже хотят есть.

Христиан не нашёл аргумента, который звучал бы убедительно перед хозяйством, оставленным без человека. В итоге к её поселению отправили небольшой отряд, и трое хозяев поехали вместе. Вернулись к вечеру с частью скота и двумя стариками, которые до этого отказались уходить.

На совете комтур сказал:

— Мы превращаем караул в сопровождение крестьян.

Христиан ответил:

— Если крестьяне не вернут скот, зимой караул будет есть воздух.

Так война постепенно отнимала у военных право считать свои дела отдельными от повседневных.

Через неделю вдова Альбрехта пришла на рынок с яйцами. Христиан купил больше, чем нужно.

— Из жалости? — спросила она.

— Нет. Дорого продаёшь.

Она впервые после похорон усмехнулась.

Это было мало. Но город продолжал жить именно такими малыми вещами.

ГЛАВА 6

ЧЕТЫРЕ ЕПАРХИИ

Когда пергамент развернули на столе, Пруссия поместилась между двумя подсвечниками.

Вильгельм Моденский отодвинул один, чтобы воск не капнул на край листа. Был июль, в Ананьи стояла жара, но помещение папской канцелярии оставалось прохладным и сумрачным. На пергаменте не было болот, запаха Вислы, разорённых дворов и людей, боявшихся ехать по дороге. Были реки, названия и линии.

Задача звучала просто: разделить Пруссию и Кульмскую землю на четыре епархии.

Кульмскую.
Помезанскую.
Вармийскую.
Самбийскую.

Вильгельм слишком хорошо знал северные земли, чтобы считать линии пустыми. Он бывал там как папский легат, слышал языки, которых не понимали в Италии, видел, как один день пути меняет и господина, и право, и представление о том, кому принадлежит лес. Именно поэтому считал церковное устройство необходимым сейчас, а не после окончательной победы. Если ждать, пока каждая дорога станет безопасной, епископства можно не создавать никогда.

— Самбийская? — переспросил писарь.
— Да.
— Там далеко до устойчивой церковной власти.
Вильгельм посмотрел.
— Именно поэтому она нужна.

Границы удобнее было проводить по рекам. Вода хотя бы существовала независимо от человеческой памяти. Хотя и она меняла русло, затапливала острова и плохо уважала юридическую точность.

В Торне в тот же день спорили о корове.

Рыжая, худая, с вырезом на ухе. Немецкая женщина утверждала, что животное пропало три дня назад. Прусс говорил, что купил корову весной у человека из другой деревни. Свидетели имелись у обоих. Продавец исчез после начала беспорядков.

Христиан выслушал и велел оставить корову до следующего дня.
— Кто кормить будет? — спросила женщина.

Прусс задал тот же вопрос.
— Оба. По половине сена.

Оба возмутились настолько одинаково, что Христиан впервые за день почувствовал облегчение. Пока люди готовы были с таким усердием спорить о корове, мир ещё не исчез окончательно.

Известие о четырёх епархиях пришло позднее. Решение от 28 июля двигалось на север медленно: грамота, копия, посланник, дорога, река, снова дорога. Пока пергамент ехал, успели сгореть хозяйства, исчезнуть люди, пройти вооружённые отряды.

Комтур прочитал:
— Кульмская. Помезанская. Вармийская. Самбийская.
Христиан остановился на последнем слове.

— Самбийская?
— Да.
— Там есть епископ?
— Будет.
— Церкви?
— Будут.

Комтур посмотрел на него.
— Церковь не может ждать, пока вся земля станет спокойной.
— Знаю.
— Тогда что?
Христиан посмотрел на лист.
— Странно. Земля ещё не знает, что её поделили.
— Земля вообще ничего не знает.
— Люди знают.

Писарь тихо добавил:

— Если им скажут.

В этом и состояла проблема. Решение было искренне церковным: нужны епископы, священники, храмы, крещение детей, христианские погребения, суд по церковным делам. Но для человека в поселении новое устройство сначала означало совсем другие вопросы: кому платить десятину, кто будет судить брак, куда везти ребёнка крестить и кто имеет право на церковную землю.

Христиан нашёл Матвея у стены. Рана после нападения ещё беспокоила его.

— Будет четыре епархии.

Переводчик долго объяснял слово.

Матвей спросил:

— Четыре епископа?

— Да.

— Как князя?

— Нет.

— Как комтуры?

— Нет.

— Тогда как?

Христиан неожиданно понял, насколько трудно объяснить то, внутри чего сам вырос. Он рассказал о священниках, церквях, таинствах и церковном суде.

Матвей выслушал.

— Земля у епископа будет?

— Будет церковная земля.

— Значит, немного как князь.

Христиан усмехнулся.

Потом Матвей спросил о Сурве.

— Мой брат теперь в какой епархии?

Христиан не смог ответить без карты.

Матвей засмеялся:

— Он не знает, что у него есть епископ. Ты не знаешь какой. А епархия уже есть.

Насмешка была точной, но не отменяла смысла решения. Где-то в Помезании священник в это время служил мессу в бывшем складе, потому что деревянная церковь сгорела. Алтарём стал тяжёлый стол. Один мальчик ходил по поселению и звал людей голосом вместо колокола. Пришли немецкие семьи, две прусские, старик, недавно крестившийся, женщина, потерявшая мужа. У неё умер ребёнок. Его надо было хоронить. Другому человеку нужно исповедоваться. Младенца — крестить.

Вот ради таких людей епархия была не линией на карте.

Но линия всё равно приходила раньше, чем возможность исполнить обещанное.

Тулве услышал о новых епархиях на рынке.

— Вы землю опять поделили?

— Церковно.

— Если я не крещён, какой у меня епископ?

— Если так ставишь вопрос — пока никакой.

— Хорошо. Меньше людей, которым должен платить.

Христиан рассмеялся.

Тулве спросил названия. На Самбии поднял брови.

— Вы уже там?

— Не везде.

— А епископ?

— Ещё не обязательно на месте.

— Значит, сначала рисуете, потом идёте туда.

Христиан почувствовал неприятное узнавание. Именно так Вайсбут говорил о дорогах.

— Епархия не крепость.

— Ему скажи.

— Где он?

Тулве отвернулся.

— Не знаю.

Через несколько дней пришла просьба из Помезании: прислать книги вместо сгоревших вместе с церковью.

Комтур спросил:

— Где?

Христиан назвал место.

— Помезанская епархия.

Впервые новое название привязалось к реальной беде. Сгоревшая церковь, священник без книг, люди, которым всё равно надо жить христианской жизнью.

К зиме писари уже пользовались четырьмя названиями почти привычно. Христиан однажды разложил рядом две карты: церковную и военную. На первой — границы епархий. На второй — нападения, дороги и места, куда нельзя ехать малым отрядом. Линии не совпадали.

Война вообще плохо уважала епархии.

Он свернул карты и пошёл к вечерней мессе. В церкви стояли германцы, братья Ордена, крещёные пруссы. Матвей тоже. Никто не говорил о решении Вильгельма Моденского. Здесь церковное устройство становилось настоящим иначе: человек становился на колени, крестил ребёнка, хоронил отца, исповедовался перед смертью.

Пергамент был нужен, чтобы всё это продолжалось после смерти одного священника и прихода другого.

Четыре епархии уже существовали.

Теперь им предстояло появиться на земле.

Тень старого миссионерского спора всё же появилась. В письмах вспоминали епископа Христиана Прусского — не брата Ордена Христиана, а человека, который задолго до нынешнего деления считал всю миссионерскую Пруссию своей епископской областью. После плена и возвращения он не мог спокойно принять решение, превращавшее единое прежнее притязание в четыре новых кафедры.

В Торне это создало почти комическую путаницу только один раз. Посланник сказал:

— Христиан протестует.

Молодой брат посмотрел на стоявшего рядом Христиана.

— Ты?

— Пока нет.

Смех быстро закончился, когда письмо прочитали подробнее. Старый епископский спор напоминал: церковные линии тоже не возникали на пустой земле. До Вильгельма Моденского были миссии, права, обещания, плен, люди, которые считали себя ответственными за обращение целой страны.

Христиан сказал комтуру:

— Значит, даже епархии имеют прошлое до того, как их создали.

— У всего есть прошлое.

— Писарям не говори. Они и так несчастны.

В практической жизни новое деление сразу породило вопрос о том, где строить следующую церковь. Два поселения спорили: одно больше, другое стоит у дороги. Священник хотел ближе к дороге, чтобы легче добираться. Люди из второго места возражали: дорога — первое, что становится опасным.

Решение отложили до весны. Не потому, что церковь не нужна, а потому, что любое место на карте уже было чьей-то повседневной жизнью.

Именно это Христиан начал понимать всё отчётливее: пергамент необходим, но его точность проверяется не в канцелярии. Настоящая граница появляется только тогда, когда по ней должен пройти конкретный человек.

ГЛАВА 7

ЧУЖОЙ СУД

Матвей пришёл к воротам вместе с Сурвой. Христиан сначала обрадовался: братьев давно не видел рядом. Потом заметил, что они идут молча.

Отец умер зимой. Не от войны — от болезни. После него остались дом, поле, луг, часть лесного пользования, скот и то, что невозможно записать одной строкой: привычка семьи считать всё хозяйство общим, пока жив отец.

Проблему создала старая орденская книга. Много лет назад, когда поле Матвея по ошибке внесли в участок силезского поселенца, Балк вернул его, и в записи осталось имя Матвея. Тогда это защищало семью. Теперь выглядело так, будто отец умер без земли, а Сурва вообще не имеет к ней отношения.

— Бумага этого не говорит, — сказал Христиан.

Сурва ответил через переводчика:

— Для тебя.

В комнате комтура книга лежала на столе. Нашли прежнюю запись. Там действительно было два имени Матвея — прусское и христианское, исправление ошибки и участок.

— Где отец? — спросил комтур.

Нигде.

— Сурва?

Нигде.

Христиан вспомнил, почему всё произошло: Матвей пришёл жаловаться, Балк сказал «поле Матвея», писарь так и записал. Никто тогда не думал, что через годы эта короткая формула станет почти наследственным актом.

Комтур предложил вызвать свидетелей и выяснить прежнее пользование.

Сурва долго не хотел входить в суд.

— Это ваш суд.

— Да, — ответил комтур.

Прямой ответ остановил его сильнее оправданий.

Сурва всё-таки вошёл. Нож оставил у ворот, недовольно, будто отдавал не оружие, а доказательство чужой власти.

Разбор занял весь день. Оказалось, что никакой красивой схемы нет. Поле работали оба брата и отец. Лугом пользовались семья и родственники. Лес вообще невозможно было разделить линией: брали древесину, мёд, охотились несколько семей. Дом строил отец. Скот принадлежал хозяйству.

Свидетель-старик подтвердил главное, но путался в деталях. Когда его спросили про лес, засмеялся: дерево продать можно, лес — нет, потому что им пользуются другие.

Сурва немедленно потребовал записать.

Христиан заметил странность: человек не доверял книге и одновременно боялся отсутствовать в ней. Новый порядок втягивал именно так — не только силой, но страхом быть забытым на странице.

Комтур вынес промежуточное решение. Старая запись на Матвея не исключает прав других членов отцовского хозяйства. Дом и поле не переходят автоматически одному брату. Луг сохраняет совместное пользование. Лес требует отдельного разбора с участием прочих родственников.

Сурва спросил:

— Значит, половина моя?

— Я не сказал половина.

— Тогда сколько?

— То, что подтверждается прежним пользованием. Измерим.

— Ваши люди?

— Вместе с вашими свидетелями.

Сурва усмехнулся.

— Всё равно чужой суд.

Комтур кивнул.

— Для тебя — чужой. Но если два человека спорят о земле возле Торна и наша старая запись сделала спор хуже, мы не можем просто сказать: разбирайтесь сами.

Измерять поехали через два дня. Нашли камни, старые межевые признаки и три берёзы там, где свидетель помнил одну. Писарь выругался.

— Почему у вас всё по деревьям?

Сурва спросил:

— А у вас?

— По мерам.

— Где ваша мера стояла до вас?

Писарь замолчал.

У леса отдельную границу так и не установили. Христиан велел записать именно это и перечислить известных пользователей.

Сурва спросил:

— Теперь лес ваш, потому что записали?

— Нет.

— Тогда зачем?

Христиан подумал.

— Чтобы помнить, что он не только наш.

Сурва указал на книгу.

— Бумага хуже человека.

— Почему?

— Человек знает, когда не помнит. Она — нет.

Эту фразу Христиан запомнил.

На обратной дороге Сурва неожиданно спросил:

— Если креститься, суд станет моим?

Матвей повернулся.

Христиан не хотел превращать крещение в плату за понятное право.

— Нет. Даже крещёный может считать суд чужим. Крещение не делает комтура твоим родственником.

Сурва засмеялся.

— Хорошо. Тогда хотя бы не врешь.

Через неделю он ушёл из дома. Не из-за суда — Матвей был уверен. Война началась раньше. Сурва давно говорил с вооружёнными людьми, давно не верил, что Орден остановится.

В книге осталась новая запись — длинная, неудобная, с двумя вариантами имени Сурвы, с отцом, сестрой, лугом, лесом без точной границы.

Суд мог разделить имущество.

Не кровь.

И не память об отце.

После суда Матвей задержался во дворе. Сурва уже получил нож у ворот и ждал. Между братьями не было примирения, но исчезло ощущение, что один пытается забрать всё у другого. Это было больше, чем Христиан ожидал от одного дня.

— Ты доволен? — спросил он Матвея.

Переводчик передал.

Матвей пожал плечами.

— Лучше, чем было.

— А Сурва?

— Он всё равно считает суд чужим.

— И ты?

Матвей подумал.

— Иногда тоже.

Христиан усмехнулся.

На следующий день писарь принёс черновую запись и спросил, как назвать Сурву: одним вариантом имени или двумя. Христиан велел оставить оба, если сам человек не выбрал.

— Так некрасиво.

— Зато узнаваемо.

Вечером комтур вернулся к вопросу веры.

— Если некрещёные будут требовать тех же прав, что крещёные, где граница?

Христиан ответил:

— Не знаю. Но если мирный некрещёный человек живёт рядом и не воюет, странно делать его врагом заранее.

— Ты хочешь одного права для всех?

— Нет. Я хочу не создавать врага строкой, которая нам сегодня кажется удобной.

Комтур задумался. Это было продолжением старого разговора, который когда-то вёл Балк. Тогда вопрос казался теоретическим. Теперь Сурва сидел в суде, спорил о поле и уходил с ножом за поясом. Теория получила лицо.

Через несколько дней Матвей пришёл один и сообщил, что брат ушёл. Не украл ничего чужого. Забрал свою долю движимого имущества и старый предмет отца. Землю унести не мог.

Христиан спросил, ссорились ли.

— Да.

— О чём?

Ответ был длинный: кто служит чужим, кто забыл семью, кто рискует детьми, кто называет страх разумом, а ярость свободой.

— Обычный разговор братьев, — сказал переводчик устало.

— Только с войной.

Именно война делала каждую семейную обиду опаснее, потому что снаружи уже существовали люди, готовые дать ей оружие.

ГЛАВА 8

ЗА СТЕНОЙ

Стена защищала не землю. Она защищала место, куда человек успел вернуться.

Христиан понял это окончательно после исчезновения обоза.

К вечеру из леса вышли две лошади и человек. Рудольф, один из наёмных охранников, шёл пешком, шатаясь. Стрела прошла через плечо. Когда ворота закрыли, он упал.

Обоз вёз овёс. Двенадцать человек. Напали там, где дорога шла между лесом и заболоченной низиной. Сначала били по лошадям, потом стрелами остановили телеги. Рудольф не мог сказать, сколько нападавших: двадцать или пятьдесят.

— Ты бы считал? — спросил он Христиана.

Тот замолчал.

Овёс не дошёл. Это означало меньше корма, значит меньше пригодных лошадей, значит хуже сопровождение следующего обоза. Комтур и Христиан долго спорили, отправлять ли новый груз той же дорогой, более длинной, двумя группами или одной большой.

Любое решение было плохим по-своему.

Из Эльбинга пришло письмо: зерно, соль, железо, стрелы, люди. Ниже приписка — дорога на юг ненадёжна.

— Красивое слово, — сказал Христиан. — Я бы написал: «могут убить».

На Висле было легче: вода позволяла перевозить груз там, где суша становилась опасной. Но и лодку можно перехватить, берег занять, купца испугать.

Вокруг Балги происходило то же. Крепость держалась, но пространство вокруг сжималось. Большой отряд мог выйти и вернуться. Человек за сеном — не всегда.

Весной и летом поля продолжали расти. Рожь не знала, что началось восстание. Скот требовал пастбища, мельница — зерна, кузница — угля. Чем опаснее становилась земля за стенами, тем сильнее город от неё зависел.

Однажды крестьяне отказались косить дальний луг. Комтур дал восемь вооружённых. Полдня прошло спокойно. Потом у леса показались трое всадников. Они просто стояли и смотрели. Косцы вернулись раньше и привезли вдвое меньше сена.

— Они ничего не сделали, — сказал Христиан.

Брат, отвечавший за конюшни, показал на две телеги вместо четырёх.

— Именно.

Матвей попросил разрешения съездить домой.

— Один не поедешь.

— Почему?

— Дорога.

— Я знаю.

— Тогда с завтрашним отрядом.

Матвей раздражённо ответил: значит, он может ехать домой только туда и тогда, когда движутся люди Ордена. Христиан сказал, что не держит его как отец.

Матвей показал на ворота.

— Но ворота ваши.

Во время войны створки становились властью сильнее суда.

На следующий день Христиан поехал с отрядом. Дорога сначала выглядела обычной, потом дворы стали пустеть. В одном месте старик с женщиной и детьми отказался уходить в Торн.

— Там безопаснее.

Старик показал на поле.

— Торн защитит его?

Нет.

Вот причина остаться: человек боялся потерять всё сильнее, чем нападения.

Дом Матвея был цел. Жена и дети живы. Недоставало коровы. Сурва приходил три дня назад с несколькими вооружёнными, забрал старые вещи отца и еду. Племяннику подарил деревянную лодку.

Христиан держал игрушку и думал о том, насколько войне мешают подобные подробности. Без них враг удобнее.

На обратном пути увидели дым. Командир послал пятерых проверить. Остальные продолжили с телегами: невозможно было спасти всё. Пожар оказался настоящим. Нападавшие ушли. Два человека убиты. Жители отказались покинуть поселение.

К осени Торн стал теснее из-за беженцев. Навесы у стены, скот, грязь, болезни. Внутри было безопаснее и хуже жить.

Зимой мороз сделал дороги твёрже, но открыл другие пути через болота и замёрзшие низины. Однажды утром у стены нашли прусскую стрелу. Просто лежала на снегу.

— Вызов? — спросил молодой брат.

— Может быть.

— Предупреждение?

— Может.

— Тогда что делать?

— Ничего. Если это предупреждение — мы уже предупреждены.

Весной 1244 года люди снова вышли пахать. Не потому, что война закончилась. Если не посеять, зимой война закончится голодом.

Молодой брат стоял с Христианом на стене и смотрел на пашню, где рядом с плугом были вооружённые.

— Теперь понял? — спросил Христиан.

— Стена защищает тех, кто успел вернуться.

— Лучше.

— Но если все вернутся, кто будет пахать?

Христиан кивнул.

Вот теперь совсем правильно.

Весной караульные начали отмечать время, за которое пахари успевают добежать до ворот. Сначала это показалось Христиану нелепостью. Потом один из братьев объяснил: если поле дальше определённого места, сигнал с башни почти бесполезен. Пока человек запрягает лошадь или бросает плуг, вооружённый всадник уже между ним и стеной.

— Значит, те поля не сеять?

— Тогда они пропадут.

— Значит, сеять?

— Тогда риск.

Христиан посмотрел на молодого брата.

— Теперь ты понимаешь, почему я не люблю советы людей, которые далеко.

Пробовали другое: работать большими группами, выставять наблюдателей, держать лошадей ближе. Это уменьшало опасность и увеличивало расходы. Один день десять мужчин пахали там, где раньше справлялись трое, потому что остальные смотрели на лес.

У стены появились новые мелкие рынки. Беженцы продавали то, что могли принести. Люди обменивали инструменты, кожу, пищу. Город постепенно учился кормить население, которого не планировал принимать.

Тулве, увидев цены, сказал:

— Стена умеет делать дорогим всё, что внутри.

— Снаружи дешевле? — спросил Христиан.

— Снаружи иногда бесплатно. Если отнимут.

Они стояли у ворот и смотрели на людей, выходящих к полям. Христиан понял, что слово «контроль» было бы слишком красивым для того, что происходило. Орден не контролировал землю так, как человек контролирует комнату. Он удерживал точки, дороги в хорошие дни, отдельные соглашения, привычки и страх людей. Всё это вместе было властью. Но властью неполной.

Именно неполнота заставляла строить следующую стену.

В тот вечер ворота открывали ещё дважды. Сначала вернулась группа пахарей: все живы, но одну лошадь пришлось вести, она рассекла ногу о корень. Потом пришла семья из дальнего двора и попросилась переночевать внутри, потому что возле леса видели вооружённых. Никто не мог проверить, кто это был. Их пустили. На рассвете семья снова вышла к своему дому. Так граница города двигалась каждый день — не на карте, а в решении конкретного человека:

остаться за стеной или рискнуть выйти. Христиан понял, что именно из этих тысяч малых решений и складывается настоящая мера власти над землёй.

ГЛАВА 9 ВАЙСБУТ

Первую ночь Вайсбут почти не спал. Не потому, что боялся — по крайней мере так говорил себе. Людей в лесном лагере было семнадцать или восемнадцать: один ушёл искать лошадь, другой стоял у дороги, третий спал отдельно. Число менялось даже без боя.

У отца всё было проще. Пять сосудов мёда остаются пятью, пока два не проданы. Люди приходили, уходили, возвращались с родственником или чужой лошадей.

Гиртас, широкоплечий мужчина старше Вайсбута, спросил на второй день:

— Ты сын торговца?

— Какого?

— Значит, того.

Вайсбута раздражало, что даже здесь он оставался сыном Тулве.

Утром чуть не подрались из-за мешка муки. Хозяин считал её своей, остальные — общей, потому что ночью охраняли его вместе со всеми. Гиртас отсыпал часть группе, остальное вернул владельцу.

— Не нравится — уходи.

Человек остался.

Вайсбут понял: война, о которой дома говорили большими словами, здесь начиналась с того, кто ест утром.

Они двигались небольшими группами. Большой отряд легче заметить и труднее кормить, маленький не возьмёт крепость. Одни хотели нападать на замки, другие — на обозы, третьи ждали помощи Святополка.

— Он обещал? — спросил Вайсбут.

Никто не видел обещания.

Гиртас сказал:

— Слух кормит лучше муки. Мука заканчивается, слух можно делить сколько угодно.

По дороге встретили людей другого рода. Те позволили пройти после долгого разговора о старых обидах, к Ордену почти не относящихся.

— Они с нами? — спросил Вайсбут.

— Сегодня.

— А завтра?

— Завтра будет завтра.

Гиртас объяснил: против одного врага и за тебя — не одно и то же. У одного рода сосед убил родственника, и если сосед окажется против Ордена, старый счёт не исчезнет.

— Тогда ничего не получится.

— Возможно. Не всё трудное становится ненужным.

Первый обоз они пропустили. Вайсбут считал, что людей у охраны мало. Гиртас отказался нападать. Через час выяснилось, что дальше шёл второй вооружённый отряд. Если бы ударили, оказались бы зажаты.

Гиртас ничего не сказал. Это раздражало сильнее победы в споре.

Потом нашли мёртвого юношу, знакомого Вайсбуту. Лошади и оружия не было. Кто убил — неизвестно: люди Ордена, поляки, разбойники или свои ради добычи. Гиртас велел запомнить место могилы, чтобы сказать семье.

Сурву Вайсбут встретил у реки. Тот точил нож.

— Сын Тулве.

— Я Вайсбут.

— Знаю. Поэтому и сказал.

Они говорили о Матвее. Вайсбут называл его человеком Ордена: крещён, пользуется судом, живёт возле Торна. Сурва резко остановил.

— Он мой брат. Не делай из него врага только потому, что тебе так проще.

Разговор закончился дракой, когда Сурва напомнил о давнем плене Вайсбу́та и выкупе отца. Их разняли.

Вечером Сурва протянул хлеб.

— Я не трус, — сказал Вайсбут.

— Не говорил.

— Говорил.

— Я сказал, что ты очень хочешь не быть трусом. Это другое.

Позже они захватили небольшой обоз. Две телеги, соль, мука, железо. Один охранник погиб, двое убежали, возниц отпустили. Добычу чуть не поделили ножами: люди, присоединившиеся утром, требовали целую телегу. У Гиртаса не было княжеской власти. Его слушали, пока вокруг него было достаточно людей.

Один возница, Ганс, узнал Вайсбу́та: видел его в Торне с отцом.

— Твой отец дорого продаёт мёд, — перевели ему.

Все засмеялись, включая Вайсбу́та. Возницу отпустили.

Позднее пришли в поселение просить еду. Старший отказал: до них уже приходили другие вооружённые, потом люди Ордена, потом снова вооружённые. Поселение устало кормить чужую войну.

— Мы свои, — сказал Вайсбут.

Старик ответил:

— Моя свинья тоже была своя.

Гиртас предложил купить еду. Заплатили дорого.

По дороге Вайсбут назвал старика трусом и сказал, что таких надо заставлять: ведь они воюют за его землю.

Гиртас посмотрел.

— Осталось объяснить ему, что земля его, а свинья наша.

Ночью Вайсбут долго не спал.

Он думал о том, как легко война меняет смысл слов. «Наш» может означать человека, у которого берёшь еду. «Предатель» — того, кто сделал не то, что хочешь ты. «Свобода» — право самому решать, кому отдавать муку, пока рядом не стоят люди с копьями.

Однажды они лежали возле дороги, наблюдая сильный орденский отряд. Среди проводников шёл прусс. Вайсбут прошептал:

— Предатель.

Сурва ответил:

— Осторожнее. В долгой войне это слово начинает означать любого, кто выбрал не тебя.

Той осенью людей в отряде становилось то больше, то меньше. Малые укрепления горели, другие держались. Новости всегда раздувались по дороге.

Вайсбут радовался, пока Гиртас не спросил:

— Торн взяли?

Нет.

— Кульм?

Нет.

— Эльбинг? Балгу?

Нет.

— Тогда победа над маленьким укреплением — победа над маленьким укреплением. Не увеличивай.

Самым неожиданным посланником оказался Ганс. Тот самый возница вернулся один и принёс Вайсбуту свёрток от Тулве: сушёное мясо и слова матери — она злится. Ещё отец передал, что второй выкуп платить не собирается.

Вайсбут засмеялся, отвернувшись, чтобы никто не увидел глаза.

Вечером он спросил Гиртаса:

— Ты считаешь, Орден должен уйти?

— Я не хочу, чтобы человек из крепости решал, где будет жить мой сын, кому платить и какой лес считать чужим.

— Значит, уйти.

— А кто придёт после?

— Никто. Мы сами.

— Кто «мы»? Твой род? Мой? Натангия? Помезания? Святополк? Литовцы? Епископ?

Вайсбут замолчал.

— Тогда зачем победа, если после всё равно будет спор?

Гиртас ответил:

— Чтобы спор был наш.

Это был первый ответ, который Вайсбут не смог сразу отбросить.

Утром они снова вышли к дороге. На ней показались четыре всадника. Местные. Свои или нет — пока неясно.

Вайсбут опустил копье так, чтобы было готово.

Теперь каждая встреча начиналась не с вопроса «кто ты?», а с другого: опасен ли ты?

Через несколько дней Сурва ушёл к Матвею. Он сказал об этом вечером, будто речь шла о короткой поездке.

— Вернёшься? — спросил Вайсбут.

— Если смогу.

— А если останешься?

— Тогда останусь.

Вайсбут почувствовал раздражение: ему всё ещё хотелось, чтобы война давала людям постоянные названия. Сурва ответил спокойно:

— Матвей мой брат раньше, чем ты мой товарищ.

После его ухода лагерь казался меньше. Вайсбут поймал себя на том, что ждёт возвращения человека, с которым чаще спорил, чем соглашался.

Вскоре пришёл другой знакомый — Ганс, отпущенный возница. Он принёс сушёное мясо от Тулве и объяснил, что старик нашёл его в Торне после рассказа об ограбленном обозе. Мать злится. Отец платить второй выкуп не собирается.

Ночью Вайсбут не съел мясо. Убрал в сумку. Гиртас увидел, но ничего не спросил.

На следующий день они снова спорили, нападать ли на большой отряд. Теперь Вайсбут первым сказал:

— Слишком сильные.

Один молодой человек усмехнулся:

— Боишься?

Вайсбут уже открыл рот, чтобы ответить привычно. Потом вспомнил Сурву и отца.

— Да. Сделать глупость.

Насмешка не состоялась. В лесу страх, названный вслух, иногда становился полезнее храбрости, которую надо постоянно доказывать.

ГЛАВА 10

ОТЕЦ

Тулве нашёл сына через цену на соль.

На рынке человек из Помезании, с которым он торговался из-за влажного зерна, случайно сказал, что видел Вайсбу́та неделю назад. Живого. Вооружённого. С другими людьми.

Тулве перестал спорить о цене.

Дома жена сразу поняла.

— Поедешь.

— Да.

— Возьми человека.

— Тогда сын подумает, что приехал возвращать силой.

Она попросила передать только одно: чтобы ел. Потом добавила, что пусть не возвращается на день, если собирается сразу снова уйти. Потом велела ничего не говорить. Дом тоже жил войной — без оружия.

Тулве поехал один с небольшим товаром. Пустая дорога казалась ему подозрительной. Два мешка соли, мёд, ножи позволяли честно отвечать: торговец.

Сначала его остановили люди Ордена.

— Куда?

— Торговать.

— Товара мало.

— Значит, дорого.

Потом — вооружённые пруссы.

— Куда?

— Торговать.

— Товара мало.

Тулве вздохнул:

— Сегодня все очень умные.

Один узнал его и показал дорогу к Вайсбу́ту.

Сын увидел отца у костра и не поверил. Гиртас рядом чинил ремень.

— Зачем приехал? — спросил Вайсбут.

— Ты ел?

— Отец.

— Мать велела спросить.

Гиртас засмеялся. Тулве посмотрел на него.

— Ты главный?

— Иногда.

— Плохая работа.

— Уже понял.

Вайсбут увёл отца к реке.

— Ты хочешь забрать меня?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Посмотреть.

Тулве не пытался доказать, что война бессмысленна. Он спрашивал, где её конец.

— Когда они уйдут, — сказал Вайсбут.

— Куда?

— С нашей земли.

— Какой именно?

— Прусской.

— Всей? Торн? Кульм? Там уже родились дети.

— Пусть уходят туда, откуда пришли их отцы.

— А твои предки когда-то откуда пришли?

Вайсбут вспыхнул:

— Ты на их стороне.

Тулве встал.

— Не говори мне это второй раз. Один мой сын уже погиб на земле, которую люди называли своей. Не делай из меня человека Ордена только потому, что мне не нравится твой ответ.

В лагере Тулве смотрел, кто кормит людей, кто ворует муку, кто боится и кто умеет прятать страх. Он быстро заметил человека, который таскал еду из общих мешков.

— Откуда знаешь? — спросил Вайсбут после.

— Торговля. Люди одинаково смотрят на чужое.

На следующий день разведчики сообщили об орденском отряде. Вайсбут хотел нападать и чувствовал, что особенно хочет сделать это потому, что отец смотрит. Гиртас решил только наблюдать. Орденские люди изменили путь и не вошли в приготовленную низину.

— Можно догнать, — настаивал Вайсбут.

Гиртас отказал.

Тулве спросил сына:

— Ты хотел ударить потому, что это было правильно или потому, что я смотрел?

— Ты ничего не понимаешь.

— Ты иногда воюешь не с Орденом.

— А с кем?

— Со своим пленом.

Вайсбут побледнел. Отец напомнил о давнем выкупе и о том, как человек после такого может всю жизнь доказывать, что не испугался.

— Неправда.

Тулве не спорил. Это было хуже.

Перед отъездом он спросил ещё раз:

— Когда закончится твоя война?

Вайсбут долго молчал.

— Не знаю.

Тулве кивнул.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Раньше думал, что знаешь.

Он посоветовал сыну, когда тот поймёт конец войны, спросить Матвея, согласен ли тот с таким концом. Потом Сурву. Гиртаса. Самого Тулве.

— Тогда никогда не будет одного ответа.

— Вот теперь начинаешь понимать землю, за которую воюешь.

Через две недели Вайсбут слышал от молодого бойца: если не ударим, зачем вообще собрались? Раньше произнёс бы то же.

— Чтобы выбрать, когда ударить.

— Боишься?

Старая вспышка поднялась, но он вспомнил отца.

— Да.

Все посмотрели.

— Чего?

— Сделать глупость.

Позднее Тулве приехал снова, уже торговать. Привёз соль. Продал дорого. Вайсбут сказал, что думал о конце войны.

— Я не знаю, должны ли уйти все. Но крепости не должны решать за нас всё: землю, суд, кому платить, куда идти.

Тулве кивнул.

— Теперь говоришь о жизни после войны. Это лучше.

— А если Орден согласится на часть?

Отец улыбнулся.

— Тогда начнутся настоящие проблемы. Воевать с человеком, который говорит «нет», проще, чем торговаться с человеком, который спрашивает «сколько».

Перед отъездом Тулве сказал:

— Если можешь не умереть — не умирай.

— Очень полезный совет.

— Другого нет.

После отъезда Тулве Гиртас долго молчал. Потом спросил:

— Он всегда такой?

— Какой?

— Смотрит, будто цену считает.

Вайсбут усмехнулся.

— Всегда.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Такие люди редко тратят жизнь на красивую глупость.

Вайсбут хотел обидеться за отца, но передумал. На следующий день сам заметил, что стал спрашивать не только «можем ли ударить», но и «что будет потом». Это раздражало его. Война прежде казалась способом убрать лишние вопросы. Теперь вопросов становилось больше.

Когда Тулве приехал второй раз с солью, люди окружили телегу. Гиртас торговался жестче всех. Вайсбут наблюдал, как отец спокойно продаёт товар человеку, который ещё вчера участвовал в нападении на орденский обоз, и понял важную вещь: Тулве не считал рынок миром. Просто не позволял войне забрать у него всё остальное.

— Ты думаешь, так можно всегда? — спросил Вайсбут.

— Нет.

— Тогда почему делаешь?

— Потому что сегодня можно.

Это слово — сегодня — раньше казалось сыну слабостью. Теперь он начинал видеть в нём способ не обещать себе лишнего.

ГЛАВА 11

ТЕ, КТО НЕ ВОССТАЛИ

Матвей впервые убил человека не в большом бою. Он ехал домой с тремя соседями за зерном.

Стрела ударила в дерево. Вторая — в шею лошади немецкого поселенца. Из кустов вышли вооружённые. Матвей узнал одного — видел раньше возле людей Сурвы. Не имя, лицо.

Он крикнул остановиться. Тот поднял копье.

Меч Матвея вошёл под руку. Человек сел на землю, будто устал, и перед смертью произнёс одно слово: «Сурва».

В Торне Христиан выслушал.

— Ты защищался.

Матвей кивнул, но слова не помогли. Он знал, почему ударил. Не знал, что делать с тем, что убитый был пруссом, как он сам.

Утром Матвей всё равно поехал за семьёй. К отряду присоединился Вартис, крещённый прусс, служивший иногда Ордену, и ещё один местный без креста.

Христиан спросил последнего:

— На чьей стороне?

После перевода мужчина пожал плечами:

— Сегодня ни с кем.

Молодой брат фыркнул. Христиан ответил:

— Хорошо бы больше людей сегодня были ни с кем.

На обратном пути отряд остановили вооружённые жители поселения. Они не восстали и не служили Ордену. Просто не хотели пускать через свою землю ни одну сторону.

— Тогда почему нас не пропускаете? — спросил Матвей.

— С вами вооружённый немец.

После долгого спора разрешили пройти другой тропой и попросили не возвращаться большим отрядом.

Немец спросил Вартиса:

— Они за кого?

— За себя.

— Можно так?

— Пока.

В Торне Матвей вскоре попросил позволить ему найти семью убитого. Он не хотел, чтобы тело осталось на дороге. Христиан дал Вартиса.

Сестра погибшего встретила их с оружием. Матвей положил меч на землю и сам сказал:

— Я убил.

Она спросила почему. Он рассказал. Потом — знает ли Сурва. Матвей ответил, что скажет сам.

Сурва пришёл через четыре дня.

— Ты убил Варкуса.

Теперь у мёртвого было имя.

Матвей подтвердил.

Сурва слушал рассказ и спросил, мог ли брат уйти вместо боя. Матвей честно ответил, что не знает.

— Варкус был дурак, когда злился, — сказал Сурва. — Но хороший.

Они сидели рядом. Один крещёный, другой нет. Один жил под стеной, другой с вооружёнными. Один убил товарища другого. И всё равно оставались братьями.

В другом месте в ту же неделю прусские воины служили Ордену — часть крещёных, часть нет. Их род имел старую вражду с соседями, ушедшими к восставшим. Общего политического выбора не было: они соглашались охранять дорогу и бить конкретных врагов, но не хотели обещать войну со всеми, кого Орден назовёт противником.

— Тогда это не служба, — сказал командир.

Старший пожал плечами.

— Тогда не служба.

Людей у командира не хватало. Он согласился.

Так выглядели многие союзы: общая опасность на эту неделю.

Христиан однажды поехал освобождать троих пруссов, задержанных возле места нападения. Доказательств не было: оружие и близость к дороге.

— У половины людей оружие, — сказал он.

Командир ответил:

— Если отпущу и завтра они убьют кого-то, ты спросишь, почему отпустил.

Правда.

И всё же троих отпустили. Через несколько дней одного убили восставшие, потому что сочли шпионом: раз Орден освободил, значит договорился.

Нейтральное пространство исчезало не потому, что люди перестали хотеть его. Обе стороны переставали в него верить.

Тулве продолжал ездить.

Христиан спросил:

— Ты понимаешь, что тебя однажды убьют на дороге?

— Все когда-нибудь.

— Почему не сидишь дома?

Тулве посмотрел.

— Пока торговец едет по дороге, она ещё дорога. Если останутся только вооружённые, она станет войной целиком.

— Поэтому едешь?

— Нет. Деньги.

Христиан засмеялся.

Матвей начал помогать переводчиком у ворот. К нему приходили не «пруссы», а жена, ищущая мужа, хозяин вытоптанного поля, человек, который хотел вернуть раненого брата, семья с жалобой на скот. Каждый случай был отдельным.

Молодой брат спросил:

— Почему ты остался с нами?

Матвей ответил:

— Я не с вами.

— Ты живёшь в Торне, работаешь здесь, носишь крест, воюешь с восставшими.

Матвей долго объяснял. Переводчик передал:

— Если он скажет «с вами», вы решите, что он согласен со всем, что делаете. Если скажет «с ними», они решат то же. Он не согласен со всем ни там, ни там.

— Так нельзя.

Матвей улыбнулся.

— Поэтому война.

В Торн приехали западные крестоносцы. Один спросил Христиана:

— Где язычники?

Христиан показал на Матвея.

— Вон прусс.

— Он христианин.

— Да.

— Значит, не он. Где остальные?

— Некоторые некрещёные тоже не воюют.

Рыцарь нахмурился. Пруссия плохо помещалась в удобную картину крестового похода.

Через день он вернулся с дороги менее уверенным: некрещёные предупредили о засаде, крещёный отказался помогать, а среди нападавших оказался человек с крестом.

— Тогда зачем крещение? — спросил он.

Христиан резко ответил:

— Крещение не делает человека неспособным к греху. И не делает его подданным Ордена.

Позднее Матвей встретил Сурву на рынке Торна. Тот пришёл продавать шкуры.

— Торгуешь в городе врага?

— Цена хорошая.

— Работаю иногда у ворот.

— За деньги?

— Иногда.

Оба засмеялись. Тулве действительно заразил всю землю своей мерой вещей.

Перед уходом Сурва спросил:

— Если приду раненый, пустят?

Матвей ответил сразу:

— Да.

— Ты решаешь?

Матвей замолчал.

— Тогда почему уверен?

— Буду спорить.

Сурва кивнул.

Это, пожалуй, было единственным обещанием, которое брат мог дать честно.

Через несколько недель нейтральность снова оказалась дорогой. Мельник-прусс, крещёный и работавший для всех, получил приказ от орденских людей не молотить зерно тем, кто помогает восставшим. Он спросил, как узнавать таких людей. Ему ответили: «Ты знаешь». Он засмеялся.

Через неделю пришли восставшие и потребовали не молотить для Торна. Мельник ответил, что платят все. Ему разбили жернов — не полностью, но достаточно, чтобы остановить работу.

Христиан приехал после.

— Кто?

Мельник пожал плечами.

— Наши.

— Какие?

— Те, кто решил, что я не наш.

Орден мог дать новый камень, но тогда восставшие назовут мельника человеком Ордена. Христиан предложил продать камень в рассрочку и взять часть платы мукой.

— Тогда это сделка, — сказал мельник.

— Именно.

Мельница снова заработала. Пришли германцы, пруссы, потом один из тех, кто раньше угрожал. Мельник молотил всем.

Когда Вайсбут услышал историю, сначала назвал его человеком Ордена. Сурва, вернувшийся в лагерь, спросил:

— А если он перестанет молотить, его дети будут есть твою свободу?

Вайсбут выругался. Гиртас рассмеялся.

— Людей слишком много для простой войны.

Эта фраза стала почти общей мерой первой части восстания. Не было отдельной армии тех, кто не восстал. Были семьи, мельники, лодочники, крестьяне, крещёные и некрещёные, которые каждый день выбирали не сторону на всю жизнь, а действие на сегодня.

ГЛАВА 12

МАГИСТР ИЗ АКРЫ

Генрих фон Гогенлоэ понял, что приехал в Пруссию, когда перестал доверять дороге.

До этого дороги бывали плохими: размокшими в Германии, каменистыми в Италии, пыльными на Востоке. Здесь дорога могла быть хорошей утром и исчезнуть к полудню. Снег прикрывал колеи, под ним лежала вода. Телега провалилась так глубоко, что четыре человека тянули за колесо, а проводник кричал не тянуть — только хуже.

Генрих спешился и взялся за телегу вместе со всеми.

Слуга попытался остановить.

— Ты хочешь поднять один?

Толкнули. Колесо вышло. Белый плащ великого магистра стал серым от грязи.

Он усмехнулся:

— Теперь узнают, кто приехал.

Никто не засмеялся. Люди устали.

Генрих был великим магистром с 1244 года. До этого его жизнь проходила рядом с Германом фон Зальца, императором, папской курией, германскими домами Ордена. В июле 1245 года он прибыл в Лион как посланник Фридриха Второго слишком поздно: разрыв императора с папой уже стал фактом. Теперь письма из Пруссии требовали другого внимания.

Крепости держатся.

Дороги ненадёжны.

Святополк воюет.

Прусское восстание не подавлено.

Торн стоит.

Кульм стоит.

Эльбинг стоит.

Балга стоит.

Между этими фразами было слишком много пустого места.

Первую ночь Генрих провёл в небольшом укреплении. Командир доложил число людей и запасов. Магистр спросил про овёс. В складе оказалось меньше, чем в записи: количество внесли при поступлении, расход не пересчитывали.

— Если написано двадцать мешков, а осталось двенадцать, у тебя не двадцать.

— Все знают, что расходовали.

— Лошадь не знает, что у тебя в книге.

Овёс был ещё и влажным. Генрих велел сушить.

— Негде.

Он оглянулся.

— Здесь есть что-нибудь, кроме причин?

Командир вспыхнул.

— Стена.

Генрих кивнул.

— Справедливо.

Ночью он вышел к караулу. Лес стоял слишком близко. Караульный сказал, что враги подходят иногда, стреляют иногда, нападают иногда. Генрих рассмеялся: в Пруссии это слово заменяло половину отчётов.

Утром встретили пять семей, уходивших к укреплению. Пруссы. Часть крещёных, часть нет. Они не знали, кто именно вынудил их уйти: сначала приходили вооружённые и требовали еду, потом люди Ордена спрашивали, кто помогал восставшим.

— Они наши союзники? — спросил Генрих.

Брат пожал плечами.

— Не знаю.

Генрих раздражённо спросил, почему здесь никто ничего не знает, и тут же понял: вот она, Пруссия, которую он приехал увидеть.

— Пустить всех.

Торн сначала не впечатлил его. После Акры — мал. После германских городов — груб. Дерево, земля, пристань, рынок. Потом Генрих понял, что сравнивает неправильно. Вопрос был не в красоте, а в том, что пятнадцать лет назад здесь не существовало такого города, а теперь люди спорили о земле, платили, судились, растили детей и ожидали, что стена будет стоять завтра.

Христиан встретил во дворе.

— Наконец, — сказал Генрих. — Я прочитал столько твоих жалоб, что хотел увидеть человека, которому всегда чего-то не хватает.

— Вы приехали вовремя. Увидите почему.

Вместо стены Христиан показал зерно. Потом кузницу, конюшню, навесы беженцев, судебную книгу, сломанные колёса и участок стены с плохим деревом.

— Заменить.

— Чем?

— Лес вокруг.

— В лес надо выйти.

Генрих посмотрел.

— Начинаю понимать.

За ужином сидел Матвей. Генрих спросил про семью, дом и поле.

— Кто сейчас обрабатывает?

— Никто.

Великий магистр отложил хлеб. В письмах земля числилась владением. На месте право, по которому хозяин не может выйти к полю, ничего не выращивало.

— Брат есть? — подсказал Христиан.

— Есть.

— Где?

— С восставшими.

Стол замолчал.

Генрих спросил:

— И?

Матвей ответил:

— Это мой брат.

Молодой рыцарь не выдержал: если брат враг, как можно говорить так спокойно?

Генрих ответил:

— Если встретишь его с оружием, решай тогда. Крещение Матвея не делает весь его род людьми Ордена.

После ужина разложили карты. На одной земля была поделена на владения и епархии. На другой стояли отметки нападений. Генрих спрашивал:

— Здесь наше?

— По праву — да.

— А если отправить туда пять человек?

— Не всегда вернутся.

— Тогда отмечайте иначе. Карта не должна быть красивее дороги.

На следующий день Генрих выехал за стену. Увидел пустые поля, дворы, которые хозяева боялись оставить и боялись сохранять, мельницу, где мололи всем и поэтому получали угрозы от обеих сторон. У сгоревшего дома поднял обломок деревянной ложки и положил обратно.

Один документ мог написать «утрачено поселение». На земле это означало печь, миску, дерево возле дома, привычное место ребёнка.

В хозяйстве Матвея магистр спросил:

— Если дать охрану, вернёшься?

— На сколько дадите?

Генрих не нашёл ответа.

В Эльбинге он увидел другое. Молодой город уже требовал будущего: городского права, суда, земли, рыболовства, наследования, торговли. Если купец не уверен, что завтра его право признают, он пойдёт в другой порт. Без купцов меньше железа, зерна, денег и людей.

10 апреля 1246 года Генрих подтвердил Эльбингу его первое городское привилегированное устройство. После церемонии один горожанин спросил:

— Теперь никто не сможет изменить?

— Смогут попытаться.

— Но печать?

— Храни. Делай копии. И учи сыновей, что в ней написано. Печать сама спорить не умеет.

Генрих возвращался через поселения, где приходилось решать, что жечь, что не жечь, кого считать врагом и когда недостаток доказательств важнее желания ответить на нападение. Он не стал мягким. В одном месте приказал разрушить укрепленную точку, служившую базой нападений, но дал мирным людям время уйти и велел тушить огонь, когда он перешёл на соседние дома.

— Они тоже помогали, — сказал брат.

— Не все. Я приказал разрушить укрепление, не деревню.

Перед отъездом из Торна Генрих собрал братьев.

— Пишите не только о победах. Пишите, сколько зерна, лошадей, где дорога закрыта, где люди вернулись. Если не знаете, кто наш, не делайте врагом только потому, что так проще в письме.

Молодой брат спросил:

— А если ошибёмся?

— Ошибётесь. Вопрос в том, сколько людей заплатит за ошибку.

У ворот Христиан спросил:

— Чья теперь Пруссия?

— На пергаменте?

— Нет.

— На карте?

— Нет.

Генрих посмотрел за стену.

— Тогда не знаю.

Христиан кивнул.

— Хорошо.

— Почему все здесь радуются, когда великий магистр говорит, что не понимает?

— Опаснее, если за месяц думает, что понял.

Генрих уехал. Через несколько дней снова не пришёл обоз, на мельнице сломалась ось, Матвей получил вест о Сурве, Тулве привёз мёд. Ордену приходилось жить сразу в двух временах: строить то, что должно простоять поколение, и каждый вечер считать людей, вернувшихся за стену.

Перед отъездом Генрих ещё раз служил мессу в Торне. После службы священник спросил, будет ли великий магистр исповедоваться. Генрих ответил, что слишком много думает. Священник усмехнулся: именно тогда особенно полезно.

В исповеди не было Пруссии как земли. Были конкретные решения. Человек, которому он разрешил сжечь укрепление. Человек, которого велел отпустить. Слова, сказанные из раздражения. Страх принять слабость за милосердие и жестокость за решительность.

Потом он сидел в маленькой часовне дольше, чем собирался. Должность великого магистра давала право приказывать людям ехать туда, где они могут умереть. Никакой титул не давал права считать это лёгким.

На запад Генрих увозил не новую теорию Пруссии, а список потребностей: люди, деньги, зерно, железо, опытные командиры.

И ещё знание, которое невозможно было вписать в официальный отчёт: понятие «владение» здесь означало не цвет на карте, а ежедневную способность удерживать дорогу, накормить гарнизон и убедить мирного человека не уйти к врагу после первой несправедливости.

ГЛАВА 13

ДИЕТРИХ

Диетрих фон Грюнинген узнал Пруссию по запаху мокрой кожи.

У ворот стояла телега с тремя сёдлами, рваными ремнями, железными скобами и мокрыми попонами. Диетрих остановил коня.

— Чьё?

Молодой брат не знал.

— Узнай.

Перед ним был человек, которого ожидали с докладами и картами. Диетрих спросил о сёдлах.

Христиан увидел и вспомнил его молодым — рядом с Балком, которого тот отправлял в Ливонию и учил сначала слушать. Теперь Ливония убрала из Диетриха многое лишнее. Он был ещё молод по сравнению с первым поколением завоевания, но уже не ученик.

— Постарел, — сказал Христиан.

— Неправда.

— Тогда стал хуже выглядеть.

Они рассмеялись.

На совете Диетрих сначала спрашивал не о противнике, а о пригодных лошадях, зерне, овсе, тетивах, железе, раненых. Когда комтур назвал общее число коней, он уточнил:

— Сколько годных?

Число стало меньше.

— Значит, у тебя столько.

Потом только перешёл к нападениям.

На карте кто-то обозначил крупный участок как «враждебный».

— Кто там?

— Пруссы.

Диетрих посмотрел.

Комтур исправился, назвав конкретную землю и добавив «возможно».

— Уже лучше.

Христиан улыбнулся: старые привычки Балка в Диетрихе жили, но иначе. Балк спрашивал, что здесь. Диетрих — что связано с этим. За годы между крепостями выросли зависимости. Не пришёл овёс — меньше лошадей. Меньше лошадей — хуже дорога. Хуже дорога — соседний гарнизон не получает железо.

Просьбы из разных мест превышали наличных людей. Одному укреплению требовалось восемь, другому двенадцать.

— Этим дать шесть.

— Попросят восемь.

— Знаю.

— Почему шесть?

— Потому что больше нет.

Матвей пришёл на разговор недовольный: его оторвали от работы.

Диетрих спросил, будет ли он весной сеять.

— Если смогу.

— Что мешает?

— Дорога. Семья боится. Не хватает рук. Сурва раньше помогал.

— Если дать охрану на день?

Матвей усмехнулся:

— Зерно растёт один день?

Диетрих засмеялся и предложил другое: Орден даст инструменты и охрану, если жители сами выйдут чинить путь, которым пользуются.

Матвей ответил:

— Если сами решат — дорога их. Если прикажете — ваша.

— Дерево от этого меняется?

— Нет. Человек меняется.

На работу вышли немцы и пруссы. Диетрих взял топор. Христиан напомнил, как когда-то молодой Диетрих спросил Балка, зачем в Ливонию столько топоров, если там есть лес.

— Чтобы рубить, — сказал Диетрих сам и рассмеялся.

Люди соседнего поселения пришли с копьями: не хотели, чтобы дорогу расширяли, потому что по ней быстрее пойдут рыцари.

— По ней ваши телеги тоже пойдут лучше, — сказал Диетрих.

Старший ответил:

— Лучше грязь, чем рыцари.

Диетрих не заставил их работать. Но предупредил, что Орден доделает свой участок. На следующий день трое местных вернулись с лопатами. Никто не комментировал.

Не все решения были такими мирными. После убийства орденского посланника нашли доказательства, что укреплённое поселение служит базой вооружённых. Диетрих потребовал выдать убийц. Отказали. Тогда дал мирным до утра уйти и разрушил укрепление. Огонь перешёл на дома.

— Тушить, — приказал он.

— Они помогали врагам.

— Не все. Я приказал разрушить стену, не всю деревню.

Христиан сказал:

— Балк бы...

Диетрих оборвал:

— Не надо. Я не знаю, что сделал бы Балк. Он умер. Если ошибся — это моя ошибка.

Вот тогда Христиан понял: перед ним не продолжение Балка, а другой руководитель.

С 1246 года деятельность Диетриха всё больше смещалась в Пруссию. Его обязанности перекрывались с ливонскими и германскими делами, должности менялись не так аккуратно, как любят поздние списки. В 1248 году имя Диетриха уже появлялось в документах как магистра Пруссии.

Писарь однажды остановился перед титулом.

— Как писать?

— Пиши как положено.

Диетрих поставил печать и почти ничего не почувствовал. Во дворе в этот момент треснула ось телеги с зерном.

— Есть запасная?

Нет.

— Дерево?

Есть.

— Мастер?

Есть.

— Тогда чинить.

Работали при факелах.

Христиан пришёл ночью и посмотрел на грамоту у писаря.

— Там написано, кто ты.

Диетрих показал на телегу.

— Если утром зерно не поедет, бумага не поможет.

Он всё чаще собирал сведения о дорогах: не просто «напали», а когда, на кого, после какого рынка, какой груз. Выяснилось, что часть нападений имеет закономерность. Где-то

помогал местный род, который не хотел войны у себя. С ним договорились о предупреждении в обмен на отказ ставить постоянный пост без разговора.

В другом месте Диетрих пост поставил против воли жителей: слишком важная дорога и слишком много нападений.

Через месяц рядом появился рынок. Сначала рыба, потом яйца, кузнец под навесом.

Христиан сказал:

— Вайсбут бы сказал: вот. Дорога, стража, стена, потом всё остальное.

Диетрих посмотрел на людей.

— Здесь он прав.

— И всё равно построил.

— Иногда человек может быть прав и всё равно не получить того, чего хочет.

Тулве познакомился с Диетрихом на рынке. Магистр спросил о Вайсбуте.

— Жив?

— Да.

— Нападает на наши обозы?

— Иногда.

Диетрих рассмеялся.

— Это болезнь земли?

Тулве ответил:

— Вы просто хотите всегда. Всегда друг. Всегда враг. Всегда платит. Всегда служит. Так удобнее.

— А тебе?

— Сегодня продал. Завтра посмотрел.

После разговора Диетрих сказал Христиану:

— Опасный старик.

— Почему?

— Не хочет быть мудрецом. Таких слушают дольше.

К ночи телегу починили. Утром она ушла с зерном. Диетрих стоял у ворот, пока не скрылась.

Христиан спросил:

— Вернутся?

— Не знаю.

— Хорошо.

— Перестань.

Внутри лежала грамота, где Диетрих фон Грюнинген назывался магистром Пруссии. За стеной ехало зерно. Должность стала настоящей задолго до титула — в каждом решении, которое никто другой не успевал принять.

Диетрих не любил, когда его сравнивали с Балком, но сравнение возникало неизбежно. Однажды Христиан всё же спросил:

— Почему тебя это так раздражает?

Диетрих ответил не сразу.

— Потому что тогда легко ошибку назвать наследством. Сделал глупость — «Балк бы так же». Сделал правильно — тоже «Балк». А отвечать должен я.

Христиан понял. Память о сильном человеке могла помогать, пока не превращалась в прикрытие для живых.

В те же месяцы Диетрих стал требовать от комтуров не только донесений о нападениях, но и сообщений о возвращении людей на поля. Писари сначала не понимали, зачем старшему военному руководителю знать, сколько хозяйств снова засеяно.

— Потому что пустое поле не платит, не кормит и не держит дорогу, — объяснил он. — Если после нашей победы вокруг крепости никто не живёт, мы удержали стену, а не землю.

Эта мысль не делала его мягче. Она делала войну хозяйственнее. В одном месте он разрешал компромисс, в другом ставил пост несмотря на протесты. Главное различие состояло не в доброте, а в вопросе: что конкретное решение даст через год, а не только вечером после него.

ГЛАВА 14

РЕКА

Весной Висла сначала заговорила. Ночами лёд трещал так, что люди просыпались. Днём по поверхности шли тёмные полосы воды.

Христиан запретил переправу. Через час пришли трое: одному надо перевезти зерно, другому двух коров, третьему покойника к родне на другом берегу.

— Подождать нельзя?

Человек посмотрел так, будто вопрос неприличен.

— Пока река решит, — сказал Христиан.

— Теперь и она ваша?

— Именно потому что не наша, я не могу приказывать ей держать лёд.

Когда лёд пошёл, одна лодка не успела уйти. Её прижало к сваям и разломило. Хозяин стоял на берегу и сказал:

— Была моя.

Когда вода освободилась, война вернулась вместе с лодками.

Первый большой груз должен был идти вниз: зерно, мука, соль, железо. Купец и Диетрих спорили, отправлять ли всё одной группой или разделить. Большой караван проще охранять и легче заметить.

Пришло сообщение: ниже по Висле люди Святополка снова требуют плату.

— Его приказ? — спросил Диетрих.

— Не знаем.

— Сколько?

Сумма была не огромной. Именно поэтому спор становился правовым, а не просто разговором о грабеже.

Купец хотел заплатить: дешевле, чем потерять груз.

Диетрих возражал: заплатишь сегодня — завтра платёж назовут признанным правом.

— Смыслом лодку не починишь, — сказал купец.

— Зато из смысла через десять лет получается право.

В итоге плату оформили как вознаграждение за сопровождение через опасный участок, а не как признанную пошлину. Купец засмеялся: деньги те же. Диетрих ответил: смысл другой.

Первая группа всё равно задержалась. Потом её пропустили. Ниже груз остановил уже вооружённый прусский отряд и потребовал часть соли и еды. Купец отдал. Власть, которой нет на месте, плохо помогает человеку, перед которым тридцать копий.

Эльбинг получил груз поздно и не полностью. Часть муки отсырела, два мешка соли пропали, один человек ранен. Все лодки дошли.

В отчёте это выглядело почти как удача.

— Успех? — спросил Христиан.

— Да.

— Изменился.

— Раньше не знал, насколько хуже бывает.

Святополк смотрел на тот же спор иначе. Когда выяснилось, что его человек увеличил плату без разрешения, князь приказал исправить.

— Я не хочу закрыть Вислу. Если река мёртвая, кому от этого прибыль?

Ему нужна была река, которая помнит его власть, но продолжает кормить его земли.

Летом вода упала. Лодки садились на мель, груз выгружали на берег, мешки накрывали плащами от дождя. Один молодой брат увидел, что чёрный крест лег на зерно, и спросил, допустимо ли так использовать орденский плащ.

Диетрих сам натянул ткань лучше.

— Если хлеб сгниёт, крест его не высушит.

Вайсбут наблюдал за лодками с другого берега. Он начал понимать, почему крепости держатся. Не только стена. По воде идут зерно, железо, люди.

— Надо остановить.

Гиртас посмотрел на широкую реку.

— Река длиннее твоего отряда.

— Тогда сделать дороже.

Гиртас кивнул.

Через несколько дней они ударили по двум отставшим лодкам. Один охранник погиб, двое ранены. Груз забрали, лодки Вайсбут приказал не сжигать.

— Вернутся к Ордену.

— Возможно.

— Тогда зачем оставлять?

— Потому что река не закончится после нашей войны.

Среди отпущенных лодочников оказался крещёный прусс. Он попросил вернуть небольшой свёрток железных инструментов, купленных для семьи.

— Всё было на лодке врага, — возразил один из людей Вайсбута.

— Лодка не враг.

Сам услышал, насколько это похоже на отцовские слова.

К осени 1247 года на север прибыли новые западные крестоносцы. Для них Пруссия была походом, а не домом. Они спрашивали, где враг, и меньше думали, где взять овёс. Диетрих заставлял сначала считать еду и лошадей.

С усилением Орден смог действовать активнее в Помезании и овладеть важным укреплённым пунктом Кирс, связанным с будущим Христбургом. Но захватить место означало немедленно задать следующий вопрос: сколько людей оставить и как их кормить.

Снова река.

Вайсбут слышал о Кирсе у костра. Один из мешков муки рядом был когда-то снят с лодки. Другой груз дошёл, и, возможно, из него ели люди, которые теперь удерживали новое укрепление.

Каждый мешок имел продолжение.

Перед зимой ушёл последний большой груз. У берега уже появлялся тонкий лёд. Купец спросил, что делать, если река встанет раньше.

— Возвращайся.

— Если не смогу?

— Останавливайся.

— Где?

Диетрих пожал плечами.

— Очень точный приказ.

Груз дошёл.

Христиан стоял у зимней Вислы и смотрел, как лёд схватывает край. Стена отделяла. Река заставляла договариваться даже тех, кто хотел друг друга убить.

Именно поэтому за неё спорили сильнее, чем за многие стены.

К зиме Диетрих собрал несколько расчётов стоимости речных перевозок. Писарь удивился: великие люди обычно интересовались правом пошлины, а не тем, сколько овса съедает охрана лодок.

— Право, которое делает торговлю невозможной, скоро перестаёт приносить доход, — сказал Диетрих.

Купец, споривший с ним всё лето, подтвердил иначе: если сопровождение съедает стоимость груза, он повезёт товар туда, где меньше прав и больше прибыли.

Тулве услышал и сказал:

— Наконец магистр учится торговле.

— Скажу ему.

— Не надо. Поднимет пошлину за обучение.

На противоположном берегу Вайсбута тоже считал цену. После захваченных лодок Орден стал посылать больше охраны. Значит, нападение удалось даже там, где груз позже прошёл. Но больше охраны означало больше людей, которых Орден должен кормить, и больше вооружённых на реке. Каждая сторона увеличивала цену другой и одновременно цену самой себе.

Висла не выбирала победителя. Она только заставляла обоих считать.

ГЛАВА 15

МИР СО СВЯТОПОЛКОМ

Мир начался с двух списков.

У людей Святополка — разорённые места, задержанные суда, спорные пошлины, вмешательство Ордена в дела княжеской семьи. У Ордена — убитые братья, обозы, помощь восстановившим, нападения на Висле.

Если положить списки рядом, выходило, что каждый только отвечал.

Папский легат Яков Льежский слушал обе стороны и раздражал обе одинаково. Когда представитель Ордена в третий раз начал исправлять чужой рассказ, легат сказал:

— Если будем исправлять каждое слово, закончим после Страшного суда. Попробуем до зимы.

К 1248 году конфликт стал слишком дорогим. Орден получил подкрепления с запада и не исчез. Святополк всё ещё мог наносить большой ущерб, но не мог одним ударом убрать крепости с Вислы. Орден не мог убрать с реки самого Святополка — христианского князя, соседа, человека с династией и собственными правами.

Слово «сосед» постепенно становилось важнее слова «враг».

Отдельным узлом был Мстивой, сын Святополка, много лет находившийся у Ордена как заложник. Князь не начинал разговор с него. Именно поэтому все понимали, насколько вопрос важен.

— Сына вернут? — спросил он Якова.

— Если будет мир.

— Я уже слышал это.

— Тогда мира не было.

Святополк отвернулся к окну.

— Они думают, я ослаб.

— А ты ослаб?

— Я спросил, что думают они.

— Тогда спроси их.

— Ты неприятный посредник.

— Хороший посредник неприятен обеим сторонам.

Папское давление тоже имело значение. Долгое участие Святополка на стороне восставших против Ордена становилось для христианского князя всё труднее оправдывать перед курией. Но сводить мир только к давлению было бы неверно: торговля страдала, Висла дорожала, люди уставали, семейный конфликт с Самбором не исчезал.

Яков задавал каждой стороне один вопрос:

— Что вам действительно нужно для мира, без чего его не будет?

Не всё, чего хочется. Только необходимое.

Списки начали сокращаться.

Ордену — свободное движение, прекращение княжеской поддержки вооружённых действий, гарантии дорог и соглашений.

Святополку — безопасность владений, решение вопросов заложников, отказ от части требований, восстановление нормального прохода торговли.

Когда оба списка поместились на одном листе, мир впервые стал физически возможен.

Тулве узнал о переговорах по цене соли.

— Упала, — сказал он Христиану.

— И?

— Купцы думают, что Висла станет безопаснее.

— Рынок знает раньше нас?

— Иногда.

Вайсбут услышал иначе: Святополк бросает пруссов ради сына.

— Значит, продал нас.

Гиртас спросил:

— Он обещал умереть за тебя?

Вайсбут не ответил.

Тулве позже сказал сыну почти то же:

— Двое могут идти одной дорогой до развилки и не иметь один дом.

— Он помогал.

— Да.

— Значит, наша война.

— Нет. Его война пересекалась с твоей.

Это было обиднее, чем слово «предательство», потому что труднее опровергалось.

В ноябре 1248 года соглашение состоялось. Мстивой вернулся к отцу. Когда они встретились, Святополк сказал:

— Худой.

Сын посмотрел.

— Ты тоже.

Позднее Мстивой спросил:

— Стоило?

Святополк долго молчал.

— В начале я думал: если уступлю один раз, придётся уступать всегда. Теперь знаю: если воевать всегда, можно потерять то, что хотел защитить.

В Торне мир не праздновали как победу.

Христиан спросил Диетриха:

— Колокол? Праздник?

— Восстание закончилось?

— Нет.

— Тогда какой праздник?

Мир со Святополком был миром со Святополком. Не с Пруссией.

Но Висла действительно изменилась. Не стала безопасной — стала легче. Купцы вернулись. На одной переправе люди Святополка и торнские торговцы два часа спорили о плате и никто не погиб.

Тулве сказал:

— Значит, мир.

— Потому что спорят?

— Потому что торговались, а не стреляли.

Для Вайсбута новость означала другое: Орден сможет меньше смотреть на запад и больше на прусские земли.

— Теперь будет хуже, — сказал Гиртас.

Вайсбут впервые увидел в нём настоящую тревогу.

Зимой Матвей встретил на дороге людей Святополка. Раньше рука легла бы на меч. Теперь они просто прошли мимо.

Маленькая перемена.

Из таких вещей и складывался мир.

На столе у Диетриха уже лежали другие бумаги: права крещёных пруссов, наследование, суд, церковь, служба.

Христиан спросил:

— Опять мир?

— Пока слова.

— Всё начинается со слов.

— Война тоже.

За окном шёл снег. Следующим соглашением нельзя было написать: «Пруссия покори-лась».

Нужно было попытаться объяснить, как будут жить люди, которые ещё вчера убивали друг друга.

После возвращения Мстивоя в доме Святополка долго не говорили о его плене подробно. Слишком многое нельзя было вернуть простым разговором. Сын знал людей Ордена не как далёких врагов, а как тех, рядом с кем прожил годы; отец видел в них противника, удерживавшего его ребёнка. Эта разница останется между ними.

Однажды Мстивой спросил:

— Ты снова начнёшь, если они нарушат?

Святополк ответил:

— Если надо.

— Тогда чем этот мир отличается от передышки?

Князь подумал.

— Тем, что теперь нарушение надо будет назвать нарушением, а не просто продолжением войны.

Это казалось слабой разницей. На деле она была огромной. Пока идёт война, каждый удар ожидаем. После мира удар требует нового объяснения и новой ответственности.

Яков Льежский именно этого и добивался: не обещания, что никто никогда больше не ударит, а прекращения состояния, в котором любой удар заранее считается законным продолжением общего конфликта.

Вайсбут этой тонкости ещё не принимал. Но даже он заметил: после мира Святополка на Висле стало меньше вооружённых людей, которые могли назвать свой удар частью княжеской войны. Теперь каждый отряд должен был отвечать за себя чаще, чем раньше.

ГЛАВА 16

ХРИСТБУРГ

Матвей не поверил, когда услышал, что в новом соглашении есть дочери.

Не женщины вообще. Именно дочери как наследницы.

— Моя?

— Если у тебя есть дочь — да.

Он смотрел на лежавшую у Христиана копию.

— Теперь?

— Если условия будут действовать.

— А раньше?

Христиан ответил честно:

— Раньше у тебя не было этой строки.

— И сейчас строка у тебя, не у меня.

Матвей говорил не о копии. Право существовало только там, где завтра найдётся человек, готовый признать его.

В феврале 1249 года в Христбурге пытались превратить прекращение части войны в правила. Место само было символом двусмысленности: новое орденское укрепление в Помезании, где ещё недавно шла война.

Яков Льежский уже не верил слову «пруссы» без уточнения. Какие земли? Какие представители? Крещёные или нет? Кто участвовал в восстании, кто только жил рядом?

Особенно важным было положение неофитов — крещёных пруссов. Папская сторона не могла принять мысль, что крещение автоматически превращает человека в зависимого от Ордена. Если новая вера означает потерю земли и свободы, миссия сама разрушает собственный смысл.

Первым большим спором стало имущество.

Кто наследует после смерти? Сын? Дочь? Брат? Сестра? Можно ли продавать, покупать, завещать? Вопросы казались мелкими только человеку без земли.

Один прусский представитель упорно возвращался к дочерям. Орденский брат заметил, что у пруссов такое наследование не было универсальным древним обычаем.

Яков ответил:

— Тогда не будем писать, будто было всегда. Запишем право, которое признаётся теперь.

Дальше — суд. Возможность не только жаловаться, но и отвечать по делу. Обсуждалось использование понятных местным христианам правовых форм, в том числе польского права.

Диетрих спросил:

— Почему именно оно?

Люди отвечали просто: знают, видели, понимают, чего ожидать.

— Если человек должен прийти в суд, полезно, чтобы понимал, что там происходит, — сказал Диетрих.

Матвей приехал позже, не как представитель всей земли, а как человек, которому Христиан хотел дать услышать условия.

Когда дошли до наследования, Матвей спросил:

— Если отец умер до договора?

Потом хуже:

— А Сурва? Он некрещёный.

Право соглашения относилось прежде всего к крещёным и верным христианам. Отец один, поле одно, братьев двое — положение разное.

Матвей долго смотрел на Христиана.

— Значит, бумага делит иначе, чем отец.

— Да.

Религиозные требования были не менее конкретны: христианский брак, христианское погребение, отказ от практик, которые Церковь считала несовместимыми с крещением. Яков признавал, что перемена трудна, но не считал веру предметом торга после того, как человек назвал себя христианином.

Отдельно договор предусматривал строительство церквей — особенно в Помезании, также в Вармии и Натангии. Христиан любил эту конкретность. Вера должна где-то происходить: нужен алтарь, крыша, священник, кладбище, дорога к храму.

Документ содержал не только требования к пруссам. В нём звучали и их жалобы на Орден: обещанная свобода и пастырская забота не всегда соответствовали действительности.

Один брат возмутился:

— Получается, виноваты мы.

Диетрих ответил:

— Иногда.

— Это будут читать.

— Тогда осторожнее делай то, о чём не хочешь читать.

Военная обязанность была другой стороной признанных прав. Крещёные пруссы должны были служить новому порядку, выходить в поход при призыве, не помогать врагам Ордена.

Матвей усмехнулся.

— Если Сурва крестится, вы дадите ему право на землю, а потом сможете послать против людей, с которыми он сейчас воюет?

— Да, — после паузы ответил Христиан.

— Хороший договор.

— Хотел права без обязанностей?

— Хотел понять цену.

Тулве, услышав условия, сказал:

— Если Сурва крестится ради поля, когда поле отнимут, что останется от его креста?

Матвей передал эту мысль брату, когда они встретились у старого хозяйства.

— Я не буду креститься ради суда, — сказал Сурва.

— И не надо. Если когда-нибудь крестишься, делай потому, что веришь.

— Священник научил?

— Торговец.

Сурва смеялся долго.

После подтверждения соглашения Тулве сказал Христиану:

— Хороший договор.

— Правда?

— Если исполнят. Пока хороший пергамент.

Первые последствия выглядели скучно. Писари делали копии. Люди спрашивали о наследстве. Женщина, чей муж погиб, потребовала записать, что поле сохраняется за её малолетним сыном, хотя родственник временно его обрабатывает. Родственник не считал себя вором — он действительно кормил семью. Решение закрепило права ребёнка и долю урожая за работу.

Матвей спросил:

— Это договор работает?

— Сегодня — да.

Он сам вскоре спорил о военной службе. Его попросили на два дня охраны дороги.

— Мир?

— Говорят.

— Тогда почему с оружием?

Жене он не смог ответить хорошо.

Вайсбут слушал пересказ условий у костра. Один человек из Помезании сказал, что вернётся домой — у него две дочери, и теперь он хочет проверить, действительно ли право будет признано.

— Значит, прекращаешь из-за дочери?

— Именно из-за неё.

— А Орден останется.

— Да.

— Тогда за что воевали?

— Чтобы он не мог делать с нами всё, что хочет.

— И теперь не сможет?

— Не всё. Если нарушит, я смогу сказать: вы нарушили то, что сами признали.

— Испугаются бумаги?

— Не знаю. А твой меч заставил их уйти?

Вайсбут не ответил.

Позднее Гиртас спросил:

— Если будут исполнять, ты прекратишь?

Вайсбут молчал. Это был первый раз, когда он допустил такое «если» всерьёз.

Весной Матвей стоял на отцовском поле. Договор не изменил землю. Но теперь к старому ответу «потому что отец пахал» добавился новый: «потому что вы сами признали моё право».

На другом краю появился Сурва.

— Твоё поле?

Матвей посмотрел.

— Наше.

— В договоре так?

— Нет. Отец был раньше.

Оба засмеялись.

Этот закон они пока понимали одинаково.

После заключения соглашения в Христбурге у Христиана появилось новое раздражение: люди начали ссылаться на договор, не зная текста. Один утверждал, что теперь вся служба отменена. Другой — что Орден обязан вернуть любую землю, которой когда-либо пользовался его дед. Третий говорил, что некрещёного автоматически можно лишить имущества. Ни одно утверждение не было таким простым.

Христиан попросил священников и переводчиков объяснять условия не длинным чтением, а примерами. Если умер отец — кто наследует? Если дочь единственная? Если человек продаёт участок? Если обязан выйти на службу? Люди слушали гораздо внимательнее.

Яков Льежский, услышав о первых искажённых пересказах, раздражённо сказал:

— Мы столько дней выбирали слова.

Ему ответили:

— Большинство этих людей никогда не прочтает пергамент.

Это была неприятная правда эпохи. Письменное право управляло жизнью тех, кто узнавал его через чужой голос. Поэтому качество переводчика иногда становилось частью закона.

Матвей заметил это быстрее писарей. Он несколько раз поправлял перевод, когда немецкое слово передавали слишком широко.

— Ты теперь юрист? — спросил Христиан.

— Нет. Я человек, который потом будет спорить с тем, кто услышал не то.

Христиан засмеялся. Именно так договор начинал жить.

ГЛАВА 17

КРЮКЕН

К осени Христбургский договор перестал пахнуть свежим пергаментом. Его разворачивали, переписывали, на него ссылались в спорах. Это был хороший признак: мир становился не церемонией, а неудобным правилом, которым пользовались обе стороны.

Матвей вернулся с семьёй к хозяйству. Дом пережил лето, крыша протекала, часть ограды разобрали, но поле удалось засеять. Урожай был плохим. Матвей радовался тому, что он вообще есть.

Сурва пришёл после первого снега. Поел, подарил племяннице деревянную птицу и сказал, что люди снова собираются на востоке, в Натангии.

— Христбург? — спросил Матвей.

— Для некоторых.

Орденские отряды продолжали действовать там, где соглашение не считали общим миром. Сурва собирался к натангам.

— Ты не натанг.

— Если ждать, пока война придёт только к твоему дому, поздно искать соседей.

Перед уходом Матвей сказал:

— Если можно не идти — не иди.

Сурва усмехнулся:

— Это Тулве?

— Наверное.

В это время орденский маршал Генрих Ботель готовил поход в Натангии. Он участвовал в февральском урегулировании и теперь вёл вооружённых людей туда, где война не закончилась.

Диетрих спросил:

— Цель?

Не просто «куда». Именно зачем.

Показать возможность пройти, разрушить места сбора вооружённых, лишить их запасов и вернуться.

Христиан тихо сказал:

— Последнее особенно важно.

Ботель улыбнулся:

— Мне тоже.

Поход шёл по позднеосенней земле. Ночью она промерзала, днём отпускала. Первые поселения пустели заранее: скот уводили, зерно прятали. В одном месте часть запасов уничтожили, несколько строений загорелось. Для людей, видевших дым издалека, было неважно, что маршал приказал жечь только склады.

Вайсбут, Сурва и Гиртас увидели такой дым.

— Христбург, — сказал Вайсбут с горечью.

— Не со всеми, — ответил Сурва.

— Значит, можно одной рукой подписывать, другой жечь?

Гиртас посмотрел на дорогу.

— Они пойдут обратно. Вот что сейчас важнее.

Натанги собирались. Не единая армия, не один приказ, но всё больше людей занимали пути отхода. Ботель понял: главная дорога занята, другие тоже перекрываются. Отряд оказался у Крюкена — не великой крепости, а деревни, имя которой война сделает памятным.

Прусские силы окружили место. Штурм стоил бы дорого. Орденские запасы уменьшались, раненых становилось больше. Ботель пошёл на переговоры.

Условия сводились к сдаче оружия и безопасному выходу основной части отряда. Сам маршал и несколько братьев оставались заложниками как гарантия исполнения.

Вайсбут услышал:

— Ещё один договор.

Сурва ответил:

— Да.

— После сожжённых домов?

— Поэтому и договор.

Не каждый человек вокруг Крюкена участвовал в переговорах. Не каждый слышал условия одинаково. У одного сгорел дом, у другого погиб сын, третий пришёл позже и слышал только, что враг сдаётся.

Гиртас смотрел на толпу.

— Плохо.

Орденские люди начали складывать оружие. Ботель заставил подчиниться даже тех, кто не верил обещанию.

Первые вышли. Пруссы расступились. Несколько мгновений слово действительно работало.

Потом кто-то ударил.

Позднее никто не смог бы достоверно сказать, кто первым и почему. Возможно, узнал человека, которого считал виновным в смерти родственника. Возможно, показалось, что разоружённый тянется к оружию. Возможно, причина была только в годах войны.

После первого удара порядок рассыпался.

— Договор! — кричал Сурва.

Гиртас бил древком по рукам своих, пытаясь оттащить.

Один человек ответил:

— Где был договор, когда жгли мой дом?

Вайсбут увидел молодого орденского брата на земле. Прусс поднял копье. Вайсбут схватил древко.

— Нет. Дали слово.

— Не я давал.

— Наши.

— Кто наши?

Это был тот самый вопрос, который Вайсбут так часто задавал другим. Теперь ненавидел его.

Молодой брат успел подняться, но другой человек ударил раньше, чем Вайсбут дошёл.

К вечеру погибли пятьдесят четыре брата Ордена и множество других людей из отряда. Ботеля и часть заложников сохранили живыми.

Маршал сидел связанным и смотрел туда, где лежали люди, которым он обещал выход.

Охранник сказал через переводчика:

— Тебе повезло.

Ботель ответил:

— Нет. Я согласился на условия.

Выжить с этим было не удачей.

Гиртас сказал Вайсбуту:

— Следующий раз они не сдадутся.

Вот настоящая цена нарушения. Не только сегодняшние мёртвые. Будущие, потому что человек, не верящий обещанию безопасного выхода, будет драться до конца.

В Торне первая весть показалась преувеличением. Потом пришли другие. Цифры сошлись.

На столе у Христиана случайно лежала копия Христбургского договора: вчера разбирали наследственное дело.

Комтур увидел.

— Убери.

— Почему?

— Сейчас не могу смотреть.

— Это другой договор. Другие люди.

— Знаю!

Он ударил ладонью по столу и после паузы тихо повторил:

— Знаю.

Диетрих получил известие и услышал от брата:

— После этого никаких договоров с ними.

— С кем?

— С пруссами.

Диетрих посмотрел жёстко.

— Кто подписал Христбург? Кто был у Крюкена? Все те же люди?

Нет.

— Тогда не делай то, что сделали они. Не заставляй одного платить за другого только потому, что тебе удобно назвать их одним словом.

— Но будем воевать?

— Будем.

Это не было прощением. Просто отказом превратить различие в слабость.

После мессы по погибшим молодой брат сказал Христиану:

— Теперь я поеду воевать по-настоящему.

— Не убивай человека только потому, что он говорит на языке убийцы твоего родственника.

— Легко тебе.

— Нет.

Матвей, услышав о погибших, перекрестился.

— За врагов? — спросил торговец.

— За мёртвых. Они уже не враги.

Сурва пришёл домой сам. Матвей спросил, участвовал ли он в убийстве разоружённых.

— Нет.

— Почему произошло?

— Люди были злы.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Братья долго говорили ночью. Матвей сказал:

— Я хочу, чтобы слово что-нибудь значило. Иначе зачем ты злишься на их договоры?

Сурва не нашёл ответа.

Тулве нашёл Вайсбу́та позже.

— Ты убивал разоружённых?

— Нет.

Отец кивнул.

— Верю.

Вайсбут спросил, почему ему жалко врагов, которые до этого сами жгли.

Тулве ответил:

— Потому что жалко не Орден. Человека, который положил меч, потому что ему обещали.

— Он бы вернулся и снова воевал.

— Возможно. Если не хочешь отпускать — не обещай.

Зимой Крюкен стал памятью обеих сторон. В Ордене — доказательством, что пруссам нельзя доверять. Среди натангов — доказательством, что Орден сам нарушает мир, разоряя землю. Война получила новое топливо.

И всё же Христбургский договор не исчез. Женщина продолжала ссылаться на него в споре о наследстве. Строили церкви. Матвей спорил о службе. Писари делали копии.

Однажды комтур начал:

— После Крюкена эти права...

Христиан оборвал:

— Матвей кого убил у Крюкена? Женщина с наследством? Мельник?

— Они убили пятьдесят четыре брата.

— Кто «они»? Если право действует только пока никто не делает плохого, это не право. Это награда за удобство.

В конце года Христиан открыл сундук и достал копию Христбургского договора. Рядом писарь составлял список погибших.

— Убрать? Мешает.

Христиан посмотрел на два документа: один говорил, как люди должны жить; другой — кто уже не будет.

— Нет. Пусть лежит.

Оба были правдой.

Люди могли договориться. Могли нарушить. Потом снова договариваться. Право не отменяло человека, но человеческое преступление не отменяло необходимости права.

За стенами в этот момент чинили оружие. У другого костра — тоже. Обе стороны считали мёртвых и рассказывали молодым, что сделал враг.

А между ними Матвей готовился весной пахать, мельник молол зерно, Тулве ругался из-за цены соли, священники выбирали места для новых церквей.

Жизнь не спрашивала, закончилась ли война официально.

Она продолжалась рядом.

И, возможно, это было главным поражением войны: она так и не получала всю землю.

В последние дни года Христиан несколько раз перечитывал список погибших. Не из желания запомнить цифру. Имена. Пятьдесят четыре брата — число, которое удобно повторять. Но за ним были люди из разных домов, с разным сроком службы, кто-то молодой, кто-то уже седой. Вместе с ними погибли вооружённые слуги и другие люди, которых поздние записи будут помнить хуже.

Писарь спросил, нужно ли в общей книге рядом с Крюкеном написать «вероломство».

Христиан покачал головой.

— Пиши событие. Оценку люди и без нас добавят.

— Но они нарушили слово.

— Да. Это и пиши.

Он хотел, чтобы через годы человек видел факт прежде привычной ненависти. Это казалось почти невозможным, но именно поэтому стоило пытаться.

Матвей на Рождество пришёл в церковь с семьёй. Сурвы не было. После службы дочь спросила, почему отец молился за людей Ордена, если дядя воюет с ними. Матвей долго подбирал слова.

— Потому что мёртвый не перестаёт быть человеком из-за того, на какой стороне умер.

— А дядя враг?

Матвей посмотрел на Христиана, будто тот мог дать ответ. Христиан отвернулся. Это был семейный вопрос.

— Нет, — сказал Матвей. — Дядя — дядя.

Так закончился год, в котором мир и резня поместились в несколько месяцев. Договор не оказался ложью. Крюкен не оказался исключением, которое можно забыть. Оба события легли одно на другое и стали памятью, с которой следующему десятилетию придётся жить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИР ИЗ ДЕРЕВА И КАМНЯ

1250–1260

ГЛАВА 18

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

На следующий день после мира ничего не происходит только в рассказах тех, кто видел войну издалека. На земле после мира прежде всего ищут людей. В Христбурге утром ещё не рассвело, когда к воротам пришла первая женщина и спросила, не вернулся ли её муж. Караульный знал его по имени, потому что мужчина дважды возил в крепость сено, но не знал, где он. Женщина не ушла. Она стояла у стены до тех пор, пока ей не объяснили, что списки ещё не готовы и что ждать здесь бессмысленно. Тогда она спросила, где ждать имеет смысл. Караульный не сумел ответить.

Таких людей становилось больше. Одни приходили с именами мужей и сыновей, другие с приметами: высокий, шрам у левого глаза, передний зуб сломан, на плаще кожаная заплата. Иногда имя писали дважды, потому что один человек называл крещёное имя, другой — старое прусское. Писарь сперва раздражался, потом перестал спорить и стал записывать оба. На третьем дне он начал оставлять между строками больше места. Христиан заметил и спросил зачем. Писарь показал на книгу: живой, погиб, плен, неизвестно. Последнее слово повторялось чаще всех.

Генрих Ботель вернулся в конце недели. Его узнали не сразу. Он похудел, борода отросла неровно, на щеке тянулась свежая царапина, но хуже всего изменился взгляд. Человек, который несколько суток не спал, обычно смотрит мимо собеседника; Ботель смотрел прямо и всё равно будто видел другое. Во дворе ему помогли слезть с коня. Он оттолкнул руку, потом всё-таки ухватился за седло, потому что нога подогнулась.

Христиан подошёл первым. Несколько мгновений они молчали. Любое привычное приветствие казалось неуместным.

— Сколько? — спросил Христиан.

— Не знаю.

— Из наших?

— Не знаю.

— Из тех, кто сдался?

Ботель посмотрел так, что вопрос пришлось закончить самому.

— Понял.

Он не понял. Никто не понимал до конца, что произошло после капитуляции у Крюкена и кто в какой момент перестал исполнять приказ. Одни рассказывали, что ярость сорвалась сразу после появления пленных; другие — что сначала всё шло по соглашению, потом кто-то ударил, кто-то закричал, и толпа перестала слышать командиров. Разница имела значение для суда над живыми. Для мёртвых её не существовало.

Ботель потребовал чистую комнату, воды и писаря. Не вина, не лекаря. Писаря. До вечера он диктовал имена тех, кого видел последними, места, где лежали раненые, фамилии братьев, которые пытались остановить резню, и тех, кто, по его мнению, не пытался. Писарь однажды поднял голову и спросил, уверен ли маршал. Ботель ответил, что именно поэтому говорит «видел», «слышал» и «мне сказали» отдельно. Не соединять. Никогда не соединять, если не знаешь.

На следующий день молодой брат, потерявший двоих друзей, предложил собрать отряд и пройти по ближайшим прусским дворам: взять заложников, пока люди не решили, что Орден ослаб. Ботель выслушал и спросил, в каком именно дворе живёт человек, убивший его друзей. Молодой брат ответил, что неизвестно. Тогда у кого он собирается брать заложника? У первого, чей дом увидит? Брат вспыхнул и сказал, что все они были за восставших. Ботель медленно поднялся со скамьи. Ему было больно стоять, и оттого голос звучал ещё тише.

— Если все одинаковые, зачем нам суд? Возьми факел и жги от горизонта до горизонта. Только крест сними.

После этого спор закончился. Не потому, что молодой человек согласился. Он просто не нашёл слов.

Весна пришла поздно. Снег ещё лежал в лесу, когда на открытых местах земля уже размочала так, что сапог вытягивался из грязи с неприятным звуком. Матвей и Сурва вышли в поле в первый день, когда плуг перестал вязнуть. Быки двигались тяжело. За зиму один похудел, другой, наоборот, стал ленив. Сурва шёл справа и правил ремень. Матвей держал рукояти плуга. Они работали почти час, прежде чем заговорили.

— Тебя опять звали? — спросил Сурва.

— На три дня.

— Куда?

— Обоз. И переводить.

— Мир наступил, — сказал Сурва.

Матвей бросил на него взгляд.

— Не начинай.

— Я ничего.

— У тебя лицо говорит.

Сурва усмехнулся и подтянул ремень. Слово «мир» за последние месяцы стало раздражать обоих. Оно встречалось в грамотах, проповедях и разговорах людей Ордена чаще, чем в жизни. На дороге всё ещё пропадали люди. По ночам кто-то забирал скот. Несколько дворов пустовали, потому что хозяева ушли во время восстания и не решались вернуться. Другие вернулись и обнаружили, что сосед успел пользоваться их сенокосом. Мир не был событием. Он был длинным спором о том, что теперь считать обычным.

Матвей всё же поехал. Обоз состоял из пяти телег. Везли зерно, соль, две бочки, инструмент и письмо. С ними ехали двое братьев Ордена, четверо слуг и трое пруссов, один из которых говорил по-немецки лучше Матвея. На второй день они увидели двор, возле которого стояла женщина с пустым ведром. Колодец оказался испорчен: кто-то бросил внутрь мёртвую собаку. Женщина обвиняла людей из соседнего поселения. Соседи говорили, что это сделали вооружённые люди, проходившие ночью.

Один брат хотел ехать дальше. Обоз не должен останавливаться из-за каждого колодца. Матвей спросил, где они будут брать воду вечером, если следующий колодец окажется таким же. Пришлось задержаться. Собаку вытащили, воду вычерпывали, колодец чистили. Потеряли полдня. Никого не поймали. Зато когда обоз тронулся, женщина вынесла на дорогу кусок хлеба и сунула Матвею. Он отказался. Она всё равно положила на телегу.

— Вот и вся ваша власть, — сказал вечером один прусский проводник. — Чистить чужой колодец.

Брат Ордена, слышавший перевод, ответил:

— Иногда это и есть власть.

Матвей запомнил. Не потому, что согласился. Потому что не ожидал услышать.

Через три дня он вернулся домой. Сурва уже прошёл вторую полосу поля и начал чинить ограду. Матвей хотел сказать, что тот сделал плохо один угол, увидел объём работы и промолчал. Сурва заметил.

— Заболел?

— Нет.

— Тогда почему не ругаешься?

— Устал.

Они рассмеялись. Это был первый вечер за долгое время, когда разговор не дошёл до Ордена.

На рынке Тулве понял, что мир действительно существует, когда цена соли упала. Он стоял возле мешков, шупал крупные кристаллы и торговался с человеком, которого год назад, возможно, не пустили бы к воротам. Вайсбут наблюдал со стороны.

— Дешевле, — сказал Тулве, когда покупатель ушёл.

— Пока.

— Всё у тебя «пока».

— У тебя тоже.

Старик не ответил. Сын был прав. Но Тулве различал осторожность и привычку ждать худшего. Вайсбут всё чаще жил вторым. Людей вокруг него стало меньше. Пивар, ещё зимой говоривший, что вернётся в лес, теперь сидел дома с больным отцом. Другой молодой человек женился. Третий ушёл к родственникам. Они не перешли на сторону Ордена. Просто перестали каждое утро просыпаться ради войны.

Вайсбут считал это слабостью. До тех пор, пока не пришлось отвезти Пивара домой самому. Отец юноши лежал у стены, ноги опухли, дыхание свистело. В доме было холодно. Мать Пивара одна тянула хозяйство. Вайсбут стоял у двери, пока парень кричал, что не собирается пахать, когда чужие строят стены. Отец повернул голову и сказал:

— Тогда сначала убей меня. Чтобы не мешал твоей войне.

Пивар замолчал.

Через месяц Вайсбут увидел его в поле. Пивар сделал вид, что не заметил. Вайсбут тоже.

Тулве слышал эту историю и не комментировал. Он лишь однажды сказал сыну, когда они возвращались с рынка:

— Война любит молодых, пока у них нет тех, кого надо кормить.

— А потом?

— Потом любит других молодых.

Вайсбут отвернулся к дороге.

К лету старый вооружённый лагерь вокруг некоторых крепостей начал исчезать. Не полностью. Караулы оставались, ворота закрывались, но люди снова строили не только частоколы. Возле Христбурга поставили новый сарай. На дороге появился человек, чинящий колёса. Священник настоял, чтобы подготовили место для будущей церкви. Писарь жаловался, что у него больше земельных споров, чем дел о пленных.

Один такой спор едва не закончился дракой. Два соседа привезли к воротам одну телегу, каждый утверждая, что она его. Дело было не в самой телеге, а в дороге: один поставил её так, что второй не мог провести скот, второй ночью отодвинул и сломал часть ограды. Они кричали одновременно. Писарь вышел, выслушал минуту и приказал обоим замолчать.

— Завтра с двумя свидетелями. Ограду измерим. Телегу пока к стене.

— Он врёт!

— Завтра.

— Он сломал!

— Завтра.

— А сегодня?

— Сегодня идите домой.

Они ушли, продолжая ругаться через плечо. Христиан стоял у двери и улыбался.

— Что? — спросил писарь.

— Ничего.

— У тебя лицо.

— Думаю, это хороший день.

Писарь посмотрел на двух удаляющихся мужчин.

— Они сейчас вернутся и убьют друг друга.

— Не вернутся.

— Почему?

— Потому что завтра каждому хочется доказать, что он прав.

Писарь фыркнул и ушёл внутрь.

На следующий день оба пришли. Со свидетелями. Спорили ещё два часа. Телега оказалась собственностью одного, ограда — действительно повреждена другим, но потому, что была поставлена поперёк старого прохода. В итоге один заплатил за два сломанных жердя, второй передвинул часть изгороди. Никто не ушёл довольным. Никто не взял копье.

Христиан не записал никакой красивой мысли. Просто смотрел, как они расходятся. Ему хотелось верить, что именно из таких дней и складывается мир. Он уже научился не говорить это вслух.

Осенью Ботель впервые выехал далеко от крепости. Плечо ещё беспокоило, нога тоже, но он устал сидеть среди стен. Поехал без большой охраны: двое братьев, слуга и местный проводник. У одного двора их остановила девочка лет десяти. Она стояла прямо на дороге и не отходила.

Проводник спросил, что нужно.

— Отец.

— Что отец?

— Не вернулся.

Имя совпало с одним из тех, возле кого в списке оставалось пустое место.

Ботель слез с коня. Девочка ждала ответа, как будто взрослый вооружённый человек обязан знать, где находится её отец. Ботель мог сказать правду: не знаю. Мог сказать: возможно, погиб. Мог пообещать искать, хотя искать было уже почти нигде.

— Как его звали ещё? — спросил он.

Девочка назвала старое имя. В списке было только крещёное.

Вот почему не нашли.

Через два дня выяснилось, что человек жив. После боя он оказался ранен, затем ушёл с родственниками далеко на восток и боялся возвращаться, не зная, считается ли врагом. Ботель отправил ему записку через знакомых: если не обвиняется в конкретном преступлении, может прийти и дать объяснение. Мужчина вернулся через неделю.

Девочка увидела его у дороги и побежала так быстро, что упала в грязь, встала и побежала снова.

Ботель смотрел издали. Христиан стоял рядом.

— Один, — сказал Ботель.

— Что?

— Один нашёлся.

Христиан понял.

— Остальных тоже ищут.

— Знаю.

Ботель помолчал и добавил:

— Не делай из этого утешение.

— Не буду.

Они стояли, пока отец поднимал девочку на руки. Потом Ботель повернул коня. На стенах по-прежнему висели оружие и щиты. В книгах всё ещё оставались пустые строки. На дорогах всё ещё встречались люди, которым мир ничего не вернул.

Но рядом с одним именем писарь вечером написал: «вернулся».

Для одного дня этого было достаточно.

Поздней осенью Ботель сам поехал к месту, где закончился Крюкен. Не для нового расследования — основные показания уже были собраны, — а потому что несколько семей просили показать, где искать останки. Дорога заняла почти день. В лесу лежала мокрая листва, низкие места уже прихватывало ночью льдом. Людей было немного: два брата, писарь, трое местных, среди них женщина, потерявшая двух сыновей.

Она не плакала и почти не говорила. Только всё время спрашивала, правильно ли они едут. Ботель отвечал: да. У места боя оказалось труднее. Знакомые ориентиры изменились. Сломанное дерево убрали. Снег прошлого года давно исчез. Земля заросла травой. Там, где в памяти лежали десятки тел, теперь ветер шевелил сухие стебли.

— Здесь? — спросила женщина.

Ботель не был уверен.

— Примерно.

Она посмотрела на него так, будто слово «примерно» было оскорблением.

— Ты был.

— Был.

— Тогда где?

Он прошёл дальше. Вспоминал не землю, а крики, людей, направление бегства. Нашёл небольшую впадину. Там весной уже собрали часть останков. Несколько крестов стояли неровно. У других могил знаков не было.

Женщина опустила на колени. Не знала, под каким холмом её сыновья. Возможно, вообще не здесь. Но осталась надолго.

Писарь тихо сказал Ботелю:

— Не стоило привозить.

— Она сама хотела.

— Теперь знает не больше.

Ботель посмотрел на женщину.

— Иногда человеку нужно место, даже если нет точной могилы.

Он не был уверен. Просто хотел, чтобы это было правдой.

На обратном пути остановились в маленьком дворе. Хозяин сначала не хотел пускать людей Ордена. Потом увидел женщину и открыл. Дали горячую воду, хлеб, место возле огня. Никто не говорил о том, кто был на чьей стороне. Война слишком долго требовала этот вопрос. На одну ночь его оставили снаружи.

Первую зиму после мира деревни переживали хуже, чем крепости. В крепости запас хотя бы считали. В дворе можно было только смотреть на пустой амбар и решать, какую корову продать до весны. Несколько семей пришли просить зерно в долг. Писарь предлагал записывать всё жёстко: сколько, кому, когда вернуть. Христиан поддержал, но потребовал не ставить одинаковый срок всем. У человека, потерявшего быков, нет смысла требовать вернуть зерно сразу после первого посева.

Так появился длинный список долгов, который выглядел почти как список погибших — те же имена, только вместо пустой строки стояли меры зерна.

Однажды Сурва пришёл вместе с Матвеем и увидел, как брат ставит знак под записью о семенном зерне.

— Теперь должник?

— Да.

— Христианину?

— Ордену.

Сурва хмыкнул.

— Разница?

Матвей посмотрел на него.

— Весной спросишь, когда будем сеять этим зерном.

Сурва больше не насмехался. Он помог донести мешок до телеги.

В дороге сказал:

— Долг тоже цепь.

— Да.

— Тогда почему взял?

— Потому что голод хуже цепи.

Сурва кивнул. В последнее время у них слишком часто оказывалось по два плохих ответа вместо одного хорошего.

Весной Ботель устроил встречу с несколькими командирами небольших отрядов, переживших Крюкен. Не суд и не совет. Он хотел услышать, что каждый собирается делать, если следующая капитуляция снова произойдёт среди людей, потерявших товарищей. Один сказал: приказать заранее держать пленных отдельно. Другой — назначить конкретных братьев отвечать за охрану. Третий признался, что в момент ярости никакой приказ не поможет, если командир сам не стоит рядом.

Ботель заставил писаря записать не вывод, а порядок: кто принимает оружие, кто ведёт пленных, кто отвечает за слова безопасного прохода. Молодой брат спросил:

— Ты думаешь, бумага остановит людей?

— Нет. Я думаю, отсутствие порядка точно не остановит.

Позже Христиан заметил, что Ботель изменился. Раньше маршал сначала думал, как выиграть столкновение. Теперь — что делать с людьми после. Это не сделало его мягче в бою. Скорее наоборот: он стал требовательнее к границе между боем и тем, что начинается после него.

Однажды он сказал Христиану:

— Самое опасное время — не когда человек ещё враг. А первые минуты после того, как уже не враг, но твои люди ещё не поняли.

Христиан запомнил. Через десять лет у Дурбе память вернётся к Ботелю другим путём, но пока никто не знал, сколько времени ему осталось.

К весне часть долгов вернули не зерном, а работой. Люди чинили дорогу, привозили лес, помогали в конюшнях. Христиан следил, чтобы работа считалась по заранее известной цене. Один брат предложил просто требовать столько дней, сколько потребуется.

— Нет.

— Почему? Они должны.

— Потому что тогда долг не закончится никогда.

— Закончится, когда отработают.

— Сколько?

Брат задумался.

Христиан показал на книгу.

— Вот поэтому сначала число.

Он всё чаще замечал, что новый порядок держится не только на великих договорах. На маленьких числах, которые кто-то должен не менять задним числом.

Когда первые поля зазеленели, люди начали возвращать зерно. Не все. Кто-то попросил отсрочку. Один человек исчез. Другой умер. Писарь ворчал, но Христиан чувствовал облегчение: обычные долги раздражали меньше, чем списки погибших.

Война действительно отступала. Не торжественно. Просто всё больше людей начинали злиться из-за урожая, а не из-за того, кто сжёг их двор два года назад.

ГЛАВА 19

НАСЛЕДСТВО

Пётр умер не на войне. После нескольких лет, когда смерть почти всегда приходила в рассказ вместе с копьём, пожаром или дорогой, это казалось странным. Он упал с крыши амбара, когда менял прогнившую балку. Сначала все решили, что отделался вывихом: нога опухла, но Пётр ругался и требовал поднять его, потому что дождь шёл к вечеру. На третий день начался жар. На пятый он перестал узнавать людей. Священник успел исповедовать и причастить его. На шестое утро Марта вышла из дома и сказала Вартису, что брат умер.

Вартис стоял у колоды с топором. Не бросил. Аккуратно положил на землю. Потом спросил:

— Дети знают?

— Эльза да. Павел спит.

Они оба посмотрели на окно. Восемилетний мальчик ещё спал в комнате, где лежал отец. Марта не решалась будить.

Пётр был крещён и носил христианское имя давно, но старые родственники продолжали звать его Вилутом. На похоронах прозвучали оба. Священник сначала поморщился, потом ничего не сказал. У могилы стояли Марта, пятнадцатилетняя Эльза, маленький Павел, Вартис и люди из соседних дворов. В стороне — германский торговец Рудольф, которому Пётр был должен зерно и серебро. Его присутствие заметили все. Никто не сказал ничего до окончания молитвы.

После похорон спор начался с быка.

Вартис утверждал, что купил животное шесть лет назад за собственное серебро, ещё до того, как окончательно переселился к брату. Марта ответила: быка все эти годы кормили из общего хозяйства, пахали им общее поле, и если Вартис хочет забрать животное сейчас, пусть сначала отделит из земли шесть лет его работы, навоза и корма. Вартис сказал, что именно поэтому хозяйство и было общим. Марта спросила, почему тогда после смерти брата оно вдруг стало только его.

Эльза стояла у двери и слушала.

— Я не сказал «моё всё», — раздражённо ответил Вартис. — Я сказал: бык мой.

— Сегодня бык. Завтра поле.

— Поле рода.

— Дети не род?

Вартис замолчал. Он не был злым человеком и не пришёл отнимать дом у племянников. Именно поэтому спор оказался хуже простого. Если бы он был вором, его можно было выгнать. Но шесть лет Вартис жил рядом, работал с Петром, платил за железо, строил амбар, участвовал в покупке коня. В его памяти это действительно было хозяйство двух братьев. В памяти Марты — хозяйство мужа и семьи, которому младший брат помогал за долю урожая.

Обе памяти были честными.

Рудольф пришёл на следующий день.

Он принёс запись долга. Не маленький лист, а аккуратную книгу, где в строках стояли имена, количество зерна, серебро и сроки. Марта читать не умела. Вартис тоже. Эльза смотрела на знаки с таким недоверием, будто сама книга была ещё одним родственником, пришедшим за частью дома.

— Двадцать мер зерна и серебро, — перевёл писарь.

— Не может быть, — сказала Марта.

Рудольф поднял плечи.

— Записано.

— Он платил осенью.

— За другое.

— За это.

Рудольф открыл книгу ещё раз. Писарь нашёл отдельную помету. Пять мер. Потом ещё одну — серебро. Торговец объяснил, что второй платёж относился к покупке железа. Марта сказала, что железо Пётр оплатил мехами. Вартис вспомнил тот день и подтвердил. Рудольф начал злиться.

— Вы все теперь будете вспоминать лучше книги?

Эльза, до этого молчавшая, спросила:

— А кто писал книгу?

Торговец посмотрел на девочку.

— Я.

— Значит, книга помнит твоей рукой.

Писарь кашлянул. Вартис отвернулся, скрывая улыбку.

Дело пришлось разбирать официально.

Христиан приехал через два дня и сразу пожалел, что согласился участвовать. В доме было тесно. Марта сидела возле стены. Вартис — напротив. Рудольф держал книгу. Эльза стояла за матерью, Павел спал на лавке, потому что разговор затянулся после полудня. Возле двери ждали свидетели.

Писарь начал с описи. Дом. Амбар. Поле. Луг. Две коровы. Бык. Конь. Зерно. Инструменты. Две телеги, одна почти развалившаяся. Лесное пользование. Долг. Три улья. Вартис немедленно заявил, что один улей его. Марта сказала, что он прав. Это немного изменило тон.

— Ещё что твоё лично? — спросил Христиан.

Вартис назвал хороший топор, нож, два железных клина, седло и часть денег, которые он дал на покупку коня.

— Конь твой?

— Нет. Деньги мои были частью.

— Сколько?

Он назвал.

Свидетель подтвердил примерную сумму. Писарь записал.

Так спор перестал быть криком о всём сразу и распался на вещи. Это заняло больше времени, но люди начали слышать друг друга. Иногда право начиналось с того, что человеку позволяли сказать не «у меня отнимают», а «вот этот топор мой».

Труднее было с землёй.

Вартис считал её родовой. Пётр получил участок от отца, но братья всегда знали: младший тоже будет пользоваться, если останется рядом. Марта отвечала: именно пользоваться, не наследовать всё после смерти старшего. У Петра есть дети.

— Павлу восемь, — сказал Вартис. — Кто будет пахать?

— Ты, если хочешь долю.

— А если не хочу работать на мальчика?

— Тогда не работай.

— И что станет с полем?

Марта замолчала. Хороший вопрос не обязательно нравился той стороне, которая его слышит.

Эльза вмешалась:

— Я буду.

Вартис повернулся.

— Ты?

— Да.

— Через два года выйдешь замуж.

— Откуда знаешь?

— Потому что так бывает.

— А тебе сколько было, когда ты решил, что поле станет твоим?

Комната притихла.

Вартис медленно выдохнул. Он любил племянницу. Именно поэтому вопрос ударил точнее.

Христиан попросил сделать перерыв. Вышел во двор. Писарь последовал.

— Если решим по Христбургским условиям, дочь имеет право, — сказал тот.

— Я знаю.

— Тогда зачем тянуть?

Христиан посмотрел на поле за домом. Полоса шла к лесу. Небольшое хозяйство. Если отдать всё детям и выгнать Вартиса, хозяйство может развалиться за год. Если отдать Вартису, дети потеряют наследство, которое договор как раз обещал защищать.

— Потому что право на землю и способность её пахать — не одно.

— Запишем опекуна.

— Кого?

Писарь посмотрел в сторону дома.

Оба подумали о Вартисе.

— Он не согласится быть слугой собственного племянника, — сказал Христиан.

— Тогда назовём иначе.

— Вот зачем ты здесь.

Писарь не улыбнулся.

Решение вырабатывали до вечера. Земля и дом остаются наследством детей Петра. Марта распоряжается хозяйством, пока Павел мал. Эльза сохраняет свою долю и не теряет её автоматически после замужества. Вартис получает признание личных вещей, доли денег, вложенных в коня, и право остаться в хозяйстве на оговорённых условиях: его труд оплачивается долей урожая; если он уйдёт, забирает своё имущество, но не землю детей. Поле не делят физически, потому что дробить его сейчас значит ослабить всех.

Вартис слушал мрачно.

— Значит, я шесть лет работал и ничего не получил?

— Получал урожай, жил в доме и остаёшься с признанным вкладом, — сказал Христиан.

— Если хочешь требовать больше, назови, что именно вложил.

— Я не записывал каждый день.

— Поэтому спрашиваем свидетелей.

— А если свидетели умрут?

Писарь поднял книгу.

— Поэтому записываем сейчас.

Марта спросила:

— А если он через год захочет продать свою долю в коне?

— Не сможет продать половину коня без согласия остальных, — устало сказал писарь.

Павел проснулся и спросил, кто собирается продать коня. Все засмеялись. Напряжение впервые отпустило.

С долгом Рудольфа разобрались отдельно. Подтвердили только ту часть, которую действительно можно было доказать. Торговец возмущался, но в конце согласился. Ему было выгоднее получить меньше сейчас, чем годами спорить с вдовой, у которой нечем платить.

Никто не ушёл счастливым. Вартис считал, что его вклад оценили слишком мало. Марта боялась, что условия всё равно оставляют брату мужа слишком много власти. Рудольф потерял часть долга. Эльза получила право, смысл которого ещё не умела полностью оценить.

На следующий день она пришла к писарю одна.

— Покажи.

— Что?

— Моё имя.

Он нашёл строку.

— Вот.

Эльза смотрела долго.

— Это я?

— Твоё имя.

— А если ты умрёшь?

Писарь поднял глаза.

— Спасибо.

— Я не хотела...

— Знаю.

Она ткнула пальцем в буквы.

— Тогда останется?

— Если книга останется.

— А если сгорит?

Писарь закрыл книгу.

— Девочка, ты решила за один день уничтожить всю мою профессию.

Эльза впервые улыбнулась.

Через месяц история дошла до рынка уже в иной форме. Орден отобрал поле у прусского мужчины и отдал девчонке. Вайсбут услышал от человека, который слышал от другого, чей родственник был «рядом». Он пришёл к Тулве раздражённый.

— Вот их право.

— Какое?

— Мужчина работал землю. Они отдали детям.

Сурва, оказавшийся возле телеги, поднял голову.

— Ты про Вартиса?

— Знаешь?

— Знаю.

Он рассказал. Не защищал суд. Просто перечислил: земля Петра, дети Петра, вклад Вартиса признали, долг уменьшили, поле не разделили.

Вайсбут слушал и всё сильнее сердился не на суд, а на то, что история переставала быть удобной.

— Значит, теперь ты за них?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что ненавидеть ложь удобно только до того дня, когда начнёшь принимать решения по ней.

Вайсбут хотел ответить резко. Тулве вмешался:

— Он прав.

— Конечно. Все теперь правы.

— Нет. Просто одно не отменяет другое.

Тулве продолжил взвешивать соль. Для него спор закончился. Для Вайсбута — нет.

Он долго думал о Вартисе. Если чужой суд способен защитить ребёнка, становится ли он своим? Нет. Если честное решение принимает власть, пришедшая с мечом, перестаёт ли она быть чужой? Тоже нет. Два ответа существовали одновременно, и именно это раздражало сильнее всего.

Через несколько месяцев Пётрово хозяйство не развалилось. Вартис остался. С Мартой спорил почти каждый день. Эльза научилась считать мешки зерна. Павел начал ходить с дядей в поле. Рудольф получил первую часть долга. Бык всё ещё пахал у них.

Христиан приехал осенью проверить другое дело и специально заехал посмотреть. Вартис как раз чинил крышу того самого амбара, с которого упал брат. Эльза держала лестницу.

— Не лезь слишком высоко, — сказала она.

— Я не твой отец.

— Поэтому и говорю заранее.

Вартис посмотрел вниз. Потом рассмеялся.

Христиан не стал заходить. Развернул коня.

Писарь, ехавший рядом, спросил:

— Значит, решение хорошее?

— Не знаю.

— Сколько тебе надо времени?

— Лет десять.

— Тогда не дождусь.

— Запиши.

— Что?

— Что не знаем.

Писарь покачал головой. Он привык записывать решения, а не сомнения.

Позади остался двор Петра. Там не было великой истории. Вдова считала зерно, девочка держала лестницу, мужчина менял балку, ребёнок гонял кур. Но именно в таких дворах проверялось, способно ли новое право существовать после того, как люди перестают смотреть на него как на обещание победителей.

Пока — способно.

Через зиму Эльза начала учиться читать у писаря. Не регулярно. Когда могла уйти из хозяйства. Сначала только имена и числа. Писарь не был учителем и раздражался, когда девочка путала одинаковые знаки, но потом обнаружил, что она лучше многих взрослых запоминает, где какая строка.

— Вот отец.

— Нет. Это долг отца.

— Значит, тоже отец.

— Нет. Имя одно, смысл рядом другой.

Эльза нахмурилась.

Именно тогда она поняла, почему книга опасна для неграмотного человека. Одно имя могло означать землю, долг, свидетельство, обязанность. Нужно читать не буквы, а всё вокруг них.

Марта сначала считала занятия пустой тратой времени. Потом Рудольф принёс новый расчёт остатка долга. Эльза сама увидела, что в строке не учтён один платёж.

— Покажи.

Торговец удивился.

— Ты читаешь?

— Немного.

Рудольф проверил и признал ошибку. Марта после этого сама отправляла дочь к писарю.

Вартис относился к учёбе сложнее. Ему казалось, что девочка становится слишком похожа на людей канцелярии. Однажды сказал:

— Скоро будешь читать землю вместо пахать.

Эльза ответила:

— А ты скоро будешь просить меня прочесть, что тебе дали подписать.

Вартис хотел рассердиться. Потом рассмеялся.

Второе наследственное дело пришло весной. Умер старик, оставив двух дочерей и племянника. Некоторые сразу сказали: применить решение по Петру. Христиан отказался.

— Там брат жил в хозяйстве шесть лет. Здесь племянник отдельно.

— Но дочери.

— И что?

— Право одинаковое.

— Право слушать их — да. Обстоятельства — нет.

Писарь спорил: если каждый раз всё заново, людям трудно понимать правило. Христиан ответил: если делать одинаково там, где разное, люди ещё быстрее перестанут доверять.

В новом деле одна дочь была замужем далеко, другая жила с отцом и ухаживала за ним. Племянник действительно помогал последние месяцы, но не имел такого вклада, как Вартис. Решение получилось другим. Землю разделили по правам дочерей, племяннику компенсировали конкретные расходы.

Эльза присутствовала случайно. После спросила:

— Значит, моё решение не правило?

— Не целиком.

— Тогда зачем мне книга?

Христиан задумался.

— Чтобы следующий человек не мог сказать, что такого случая никогда не было. Но и не мог сказать, что ваш случай решает всё за него.

Эльза кивнула, хотя поняла не до конца.

Позже она объяснила Марте проще:

— Книга помнит, но не думает.

Марта сказала, что наконец услышала полезный смысл от всей этой учёбы.

Отношения Вартиса и Марты оставались тяжёлыми. Весной он хотел посеять больше ячменя. Марта — рожь. Спор дошёл до крика. Эльза встала между ними и спросила, почему они не разделят поле по полосам. Оба одновременно сказали, что это глупость, и впервые за неделю оказались на одной стороне.

В итоге посеяли и то и другое, но не так, как предложила девочка. Павел ходил за дядей по полю, задавал слишком много вопросов. Вартис ругался, потом сам объяснял.

Однажды мальчик спросил:

— Когда я вырасту, ты уйдёшь?

Вартис остановился.

— Почему?

— Поле будет моё.

Мужчина долго молчал.

— Поле будет ваше с сестрой. А я уйду, если не захотите меня видеть.

— Я хочу.

Вартис отвернулся, чтобы мальчик не заметил лица.

Именно в этот момент решение суда стало чем-то большим, чем запись. Оно заставило взрослого человека представить день, когда его право жить здесь зависит уже не от брата, а от детей брата.

Это было трудно.

Но не несправедливо.

Летом в доме Петра случился ещё один спор, который не дошёл до суда. Эльза получила предложение о браке от семьи из соседнего поселения. Марта считала человека подходящим. Вартис спросил первым делом, где молодые будут жить. Если Эльза уйдёт, кто станет следить за её долей? Если муж поселится здесь, не начнёт ли через несколько лет считать землю своей?

Эльза услышала разговор за дверью и вошла.

— Вы опять делите мою жизнь без меня?

Марта вспыхнула:

— Мы думаем.

— Обо мне.

— Именно.

— Тогда спросите.

Предложение в итоге отклонила сама Эльза. Не потому, что не понравился жених. Она сказала: не сейчас. Хочет научиться читать лучше и дожидаться, пока Павел станет старше.

Вартис удивился:

— Из-за книги замуж не пойдёшь?

— Из-за того, что все сразу решили, куда денется моя земля после свадьбы.

Марта впервые увидела, что судебное решение изменило дочь. Право, записанное в книге, не просто сохранило имущество. Оно дало девочке ощущение, что её должны спрашивать.

Это пугало и радовало одновременно.

ГЛАВА 20

ЦЕРКОВЬ

Священник хотел поставить церковь на самом сухом месте.

Это было разумно. Именно поэтому участок уже был засеян.

Хозяин поля, крещёный прусс по имени Кайм, выслушал объяснение, снял шапку перед священником, перекрестился и сказал, что землю отдаст после жатвы. Священник ответил, что строить нужно весной. Кайм показал на зелёную рожь.

— Она тоже растёт весной.

— Речь о доме Божиим.

— Бог видит рожь.

Матвей, стоявший рядом, кашлянул, чтобы скрыть смех. Священник заметил.

— Здесь смешно?

— Нет. Просто он прав.

Так первый день выбора места закончился тем, что церковь осталась без земли.

На следующий день осмотрели низкий участок возле дороги. После трёх ударов лопатой появилась вода. Третий находился далеко от поселения. Четвёртый — возле старых лип, которые ближайшая семья просила не трогать. Священник сразу насторожился.

— Почему?

— Отец велел беречь, — ответил хозяин.

— Они священные?

Матвей резко вмешался:

— Он сказал: отец велел.

Священник посмотрел на него.

— Я хочу понимать.

— Тогда спрашивай то, что человек сказал, а не то, чего боишься услышать.

Христиан, приехавший разбирать спор, перевёл дыхание. Священник был человеком образованным и искренним, но слишком часто искал языческий обряд там, где находил просто чужую память. Липы могли быть важны потому, что под ними отец сидел летом, потому что рядом похоронили собаку, потому что их посадил дед. Не каждая любовь к дереву была богословием.

В конце выбрали часть общего выгона. И немедленно выяснилось, что «общий» не значит «ничей».

На нём пасли скот четыре двора. Если отрезать участок под церковь и кладбище, коровам останется меньше травы. Один хозяин согласился без спора. Второй потребовал другой луг. Третий сказал, что церковь ему нужна, но корова нужна каждый день. Четвёртый вообще был некрещёным и спросил, почему должен терять выпас ради чужого Бога.

Священник хотел возразить. Христиан остановил взглядом.

Тулве, случайно приехавший с солью и как всегда оказавшийся там, где можно торговаться, предложил решение. Соседний луг частично открыть для общего пользования, а дворы, получившие этот доступ, помогают расчистить дорогу и подвозить дерево. Начали считать. Сколько дней работы. Сколько телег. Сколько скота. Какой край луга. Спор, который полчаса звучал как столкновение веры и язычества, превратился в вопрос о трёх телегах и двух днях работы.

Тулве сказал Христиану:

— Когда люди начинают считать, значит, ещё не хотят убивать друг друга.

— Ты всё превращаешь в торговлю.

— А ты всё превращаешь в суд.

Оба были правы не полностью.

Лес для строительства нашли быстро. Право рубить — нет.

По старой памяти несколько дворов брали там древесину десятилетиями. Орденская запись показывала границу участка иначе. Писарь уверял, что по книге лес относится к земле, которой можно распоряжаться для строительства. Старик из ближайшего двора спросил, где была книга, когда он с отцом ставил там первый сарай. Писарь ответил, что его тогда, возможно, вообще не было на свете. Старик удовлетворённо кивнул: значит, лес старше писаря.

Христиан не стал решать только по книге. Собрали свидетелей. Выяснилось, что пользование действительно существовало, но не всем лесом. Договорились взять древесину с края, а взамен письменно закрепить за дворами право получать строительный лес с другого участка. Писарь ворчал: слишком много условий.

— Земля сложнее книги, — сказал Матвей.

— Спасибо. Я уже слышал.

Сурва пришёл рубить на третий день. Матвей удивился.

— Ты строишь церковь?

— Я рублю дерево.

— Для церкви.

— Дереву всё равно.

Они работали рядом до обеда. Сурва не заходил на молитву, но помог поднять самое тяжёлое бревно. Священник видел и ничего не сказал. Это было лучше предыдущих разговоров.

Стройка постепенно стала общей работой, но не общей верой. Крещёные приносили еду плотникам. Некрещёные возили камень, потому что им платили. Германский мастер ругался на прусских работников за способ соединять балки, потом сам использовал их приём на боковой стене. Женщины варили кашу в большом котле. Дети собирали обрезки дерева и строили собственную церковь, которая через час превратилась в крепость, а ещё через час в загон для козы.

Христиан смотрел и думал, что дети честнее взрослых: для них дерево пока не знает, чему служить.

Во время строительства чуть не погиб человек. Балку поднимали на верёвках, одна петля соскользнула. Тяжёлое дерево рухнуло, ударило рабочего по плечу и прижало ногу. Мужчины подняли балку рывком. Ногу не сломало, но рана была глубокая.

Священник прибежал первым и начал молиться. Жена пострадавшего закричала:

— Не молись, держи!

Он послушался и держал ткань на ране, пока женщина перевязывала. Потом только вспомнил, что должен был обидеться.

Через неделю рабочий уже сидел у стены и ругал тех, кто ставил леса без него. Священник приносил еду. Они оба делали вид, что ничего особенного не произошло.

Христиан заметил: после этого местные стали воспринимать священника иначе. Не потому, что он произнёс хорошую проповедь. Потому что держал окровавленную ткань, когда попросили.

Кладбище стало самым тяжёлым спором.

Недалеко от выбранного места находились старые могилы. Не кресты — земля, небольшие неровности, память людей. Один старый крещёный прусс по имени Лаппе показал, где лежит отец. Священник спросил:

— Крещёный?

— Нет.

Священник уже открыл рот. Христиан успел раньше.

— Дорогу поведём левее.

— Там дольше.

— Немного.

— Это языческое погребение.

Лаппе не понимал немецких слов, но понимал тон. Сжал кулаки.

Христиан сказал священнику тихо:

— Крещение сына не выкопало отца из земли.

— Я не предлагаю выкапывать.

— Тогда зачем споришь о десяти шагах дороги?

Священник замолчал.

Позже он пришёл сам.

— Ты думаешь, я хочу оскорблять их?

— Нет.

— Тогда почему каждый раз останавливаешь?

Христиан посмотрел на стройку.

— Потому что ты видишь правило раньше человека.

— А ты слишком часто видишь человека раньше правила.

— Возможно.

— Значит, оба ошибаемся.

— Иногда.

Священник вздохнул.

— Хороший разговор.

— Почему?

— Никто не победил.

После этого они стали разговаривать легче.

Первая служба прошла до завершения крыши. Ветер входил сбоку, пламя свечей дрожало, пол оставался земляным. Людей пришло больше, чем ожидали. Одни из любопытства. Другие потому, что помогали строить и хотели увидеть, ради чего таскали брёвна. Германские поселенцы стояли ближе к священнику. Крещёные пруссы перемешались. Некрещёные остановились снаружи.

Сурва тоже.

Матвей увидел, но не позвал. Это был их старый договор: никакого давления. Сурва должен войти сам или не войти никогда.

После службы они шли домой. Сурва спросил:

— Если Бог один, почему земли разные?

Матвей сначала не понял.

— Какие земли?

— Ваше кладбище. Старое кладбище. Церковное поле. Общее. Всё делите.

Матвей подумал.

— Бог один. Поля разные.

Сурва рассмеялся.

— Хороший христианин.

— Лучше тебя.

— Не трудно.

Через две недели умерла девочка. Три года. Жар пришёл ночью, к утру ребёнок уже не мог пить. Мать принесла её к женщине, которая знала травы, потом к священнику, потом снова домой. На следующий вечер ребёнок умер.

Никто не думал, что новое кладбище откроет именно она.

Могили копали мужчины, строившие церковь. Земля была влажной. Отец ребёнка молчал до того момента, когда первый ком упал на крышку маленького гроба. Тогда он согнулся, как будто удар пришёлся в живот. Мать стояла неподвижно. Сурва пришёл и остался в стороне, возле старых могил.

После похорон он спросил Матвея:

— Если бы она не была крещена?

Матвей не ответил.

— Где бы лежала?

— Не знаю.

— Священник знает?

— Спроси.

Сурва не спросил. Зато Матвей вечером спросил сам.

Священник долго молчал.

— Есть правила.

— Я знаю.

— И есть ребёнок.

— Был.

Священник закрыл лицо ладонью.

— Иногда вы хотите от нас ответа, которого у меня нет.

Матвей сел напротив.

— Тогда скажи «нет».

— Священнику трудно говорить, что он не знает.

— Земледельцу тоже. Но урожай от этого не растёт.

Священник усмехнулся сквозь усталость.

Это была их первая почти дружеская беседа.

Церковь достраивали всё лето. Появилась крыша. Потом дверь. Потом небольшой алтарь. У священника возник собственный огород. И новая война — теперь из-за содержания.

Сколько зерна получает священник? Кто привозит дрова? Может ли держать скот на общем выгоне? Тулве снова оказался рядом и потребовал записать точное количество животных.

— Стыдно торговаться с человеком Божьим, — сказал один поселенец.

— Через десять лет придёт другой и скажет, что прежний держал десять коров, — ответил Тулве.

Священник посмотрел на него.

— Я не хочу десять.

— Поэтому и запишем одну.

В конце закрепили одну корову и одну лошадь, определённую долю зерна и обязанность нескольких дворов помогать с дровами. Священник поставил подпись. Тулве не умел писать и оставил знак как свидетель.

— Ты доволен? — спросил Христиан.

— Когда человек и корова записаны отдельно, всегда спокойнее.

Осенью возле церкви возник спор о старом обычае. Несколько семей принесли еду на поминовение умерших и оставили часть возле могил. Священник увидел и потребовал убрать: ему показалось, что это прежнее жертвоприношение.

Лаппе ответил:

— Мы едим и помним.

— Зачем оставляете?

— Так делали.

— Кому?

Старик пожал плечами.

Священник подозревал языческий смысл, старик не собирался объяснять то, что сам воспринимал как привычку. Начался спор.

Матвей вмешался:

— Если хочешь запретить, сначала узнай, что именно.

— А если они сами не знают?

— Тогда, может, и ты не знаешь, что запрещаешь.

В конце договорились: еду не оставлять как дар мёртвому, но совместную трапезу после поминовения никто не запрещает. Старики ворчали. Священник тоже.

Через год обычай изменился. Не исчез. Люди приносили еду, ели вместе, рассказывали об умерших. Часть прежнего смысла ушла, часть сохранилась в форме. Христиан понял, что обращение редко происходит как замена одной вещи другой. Чаще старая привычка меняет содержание так медленно, что спорящие стороны успевают умереть раньше, чем договорятся, когда именно это случилось.

Колокол приехал осенью. Небольшой, совсем не тот, который мог бы висеть в большой городской церкви. Его привезли на телеге, завёрнутым в ткань. Дети бежали следом. Взрослые пытались делать вид, что ничего особенного.

Когда ударили впервые, звук оказался шире постройки. Он прошёл над полями, по дороге, через луг, достиг дворов, откуда самой церкви не было видно.

Тулве стоял у телеги.

— Теперь слышно, что вы здесь.

Христиан посмотрел на стену поселения.

— До этого не было видно?

— Стену видит тот, кто подошёл. Колокол слышит тот, кто не собирался.

Вайсбут услышал его далеко от дороги. Остановил коня. Гиртас спросил, что случилось.

— Церковь.

— Где?

Вайсбут показал направление.

— Сжечь? — спросил Гиртас, не совсем шутя.

Вайсбут долго слушал второй удар.

— Матвей ходит туда.

— И?

— И другие наши.

Гиртас понял. Чужая церковь уже была частью жизни тех, кого они считали своими. Поджечь её означало поджечь не только символ чужой власти.

Они поехали дальше.

Однажды в церковь пришёл человек, которого никто не видел на службе прежде. Некрещённый. Сел у двери. Священник заметил, но не подошёл до конца. После спросил через Матвея, зачем тот пришёл.

— Послушать.

— Хочешь креститься?

— Я сказал: послушать.

Священник хотел продолжить вопросы. Матвей покачал головой.

Человек приходил ещё три раза, всегда стоял сзади и уходил первым. Потом перестал. Через несколько месяцев снова появился — на похоронах родственника.

Священник спросил Христиана:

— Я сделал что-то не так?

— Возможно, ничего.

— Он же приходил.

— И ушёл.

— Значит, надо было говорить больше.

— Или меньше.

Священник раздражённо:

— У тебя всегда два ответа.

— Потому что человек не обязан сообщать, какой ему нужен.

Этот случай изменил священника. С тех пор, если незнакомый стоял у двери, он не задавал вопрос о крещении сразу. Иногда человек возвращался. Иногда нет. Церковь училась не только строить стены и правила, но и оставлять дверь открытой без требования войти немедленно.

Зимой умер Кайм — тот самый хозяин, который весной не отдал засеянное поле. Лихорадка взяла его быстро. Его похоронили у церкви, которую в итоге построили не на его ржи. Священник говорил над могилой. Сурва неожиданно вошёл внутрь на службу.

Матвей заметил. После похорон ничего не сказал. Только вечером, когда они остались вдвоём, Сурва предупредил:

— Не начинай.

— Не начал.

— Если когда-нибудь войду сам, хочу, чтобы это было моё решение.

— Хорошо.

— Просто?

— Просто.

Сурва некоторое время смотрел на брата, будто ждал ловушки. Не нашёл.

Первую зиму церковь встретила холодно. Через щели тянуло. Во время службы дети сбились ближе друг к другу. Священник требовал дров больше, чем было записано. Тулве услышал и напомнил про договор.

— Я замёрзну.

— Тогда записывать надо было больше.

— Ты предлагаешь священнику замёрзнуть из-за строки?

— Предлагаю прийти и сказать, почему нужно изменить строку.

Христиан рассмеялся.

Пришлось собирать дворы и менять условие. Зима оказалась холоднее обычного, расход дров вырос. Люди согласились добавить, но только на этот год. Писарь отметил.

Священник спросил Тулве:

— Теперь доволен?

— Очень. Ты получил дрова, а следующий не сможет сказать, что всегда получал вдвое больше.

— Ты когда-нибудь думаешь о душе?

— Когда цена соли хорошая.

Священник впервые рассмеялся вместе с ним.

К Пасхе церковь уже выглядела обжитой. Не богатой. Стены потемнели от дыма, на полу лежали доски, возле двери висела мокрая одежда. Дети знали, где можно стоять, чтобы священник не видел, как они толкаются.

Сурва в этот день снова остался снаружи. Но не ушёл. Слушал. После службы помог старухе спуститься с мокрой ступени.

Матвей ничего не сказал.

Позднее Сурва сам начал спрашивать о некоторых христианских праздниках — не потому, что собирался креститься, а потому что хотел понимать, почему брат в определённые дни не ест мясо и почему дети учат новые молитвы.

— Вот видишь, — однажды сказал Матвей.

— Что?

— Интересуешься.

— Интересуюсь, когда ты перестанешь быть занудой.

Разговор закончился.

Через два года дети, родившиеся после начала строительства, уже не знали времени без колокола. Они ориентировались по нему, хотя часть семей оставалась некрещёной. Колокол звонил, когда начиналась служба, когда умер человек, иногда когда требовалось собрать людей. Он стал не только церковным звуком, но и частью времени поселения.

Возле дороги появились два дома. Потом навес, где продавали хлеб. Один человек торговал свечами. Священник сначала сердился на рынок перед дверью, потом обнаружил, что масло там дешевле, чем у приезжего купца, и перестал жаловаться так громко.

Старые липы остались. Старые могилы тоже. Новую дорогу провели в обход. Рожь на поле Кайма убрали в тот год до последнего снопа.

Христиан однажды остановился на дороге и оглянулся: церковь, кладбище, старые могилы, липы, несколько домов, корова священника, дети, рынок. Он не стал формулировать для себя, что всё это значит. За последние годы он слишком часто ловил себя на желании объяснить жизнь одной фразой.

Вместо этого подошёл к человеку, который чинил перекосившуюся калитку.

— Помочь?

— Если умеешь.

Христиан взялся за другой конец доски.

Церковь стояла за спиной и звонила к вечерней молитве.

ГЛАВА 21

НОВЫЕ СОСЕДИ

Фогели приехали весной на трёх телегах, и Матвей сначала решил, что люди не переселяются, а пытаются перевезти с собой всю прежнюю жизнь. На первой лежали железные части плуга, два сундука, разобранная кровать, мешки с зерном, посуда, связки инструмента и несколько досок, которые Генрих Фогель, по словам жены, настоял взять потому, что «такой древесины здесь всё равно не будет». На второй под навесом сидели женщины и дети. На третьей везли бочки, железо, верёвки и молодую корову, которая возражала против всего предприятія громче людей.

Мать Гертруды начала жаловаться ещё до того, как телеги остановились. Дорога плохая. Ветер хуже. Земля плоская. Домов нет. Люди говорят непонятно. Переводчик попытался смягчить. Матвей услышал интонацию и попросил перевести всё.

Старуха посмотрела на него с уважением.

— Хоть один не делает вид, что здесь хорошо.

Генрих покраснел. Гертруда закатила глаза. Дети засмеялись, хотя не поняли слов.

Так началось соседство.

Участок Генриху измерили заранее. Грамота была настоящей, печать на месте, границы описаны настолько точно, насколько вообще можно описать землю человеку, который её не видел. Проблема обнаружилась на второй день: через середину участка проходил старый путь к ручью. Не дорога для телег — полоса утоптанной травы, по которой местные дворы гнали скот к воде.

Генрих посмотрел на неё и сказал:

— Это не дорога.

Матвей ответил через переводчика:

— Для тебя.

— В грамоте нет.

— Коровы грамоту не читали.

Генрих рассердился. Он не приехал воровать чужой путь. Но за землю заплатил дорогой, переселением, обязательствами и годами будущих платежей. Ему обещали участок. Теперь первый же сосед говорит, что часть не принадлежит ему так, как написано.

Христиан приехал с писарем. Прошёл по границе. След был очевиден. Генрих предложил отвести скот левее. Матвей показал низину: весной там вода. Генрих не поверил.

Через четыре дня пошёл дождь.

Корова Фогелей решила спор лучше любого суда. Гертруда погнала её к воде новым путём, животное провалилось в размокшую низину почти по брюхо. Генрих, Матвей и два мальчика вытаскивали верёвкой. Корова кричала, старуха кричала ещё громче, Гертруда ругалась сразу на двух языках, хотя знала прусских слов меньше десяти.

Когда животное наконец оказалось на твёрдой земле, Матвей спросил:

— Теперь?

Генрих вытер грязь со щеки.

— Теперь.

Старый проход оставили. Участок пересчитали и компенсировали другой полосой. Генрих был недоволен потерей удобного прямоугольника. Местные — тем, что вообще пришлось доказывать очевидное. Писарь сказал, что если все стороны недовольны, решение, вероятно, близко к справедливому. Христиан попросил никогда больше не повторять эту глупость.

Через два дня Генрих пришёл к Матвею просить помощи поднять балки.

Матвей работал на поле. Посмотрел на небо. Дождь к вечеру. Если соседи не закроют крышу хотя бы частично, всё внутри намокнет.

Он пошёл.

Дом Фогелей строили иначе, чем местные. Не радикально иначе — дерево везде дерево, дождь везде дождь, — но соединения, форма крыши, внутреннее расположение удивляли. Генрих гордился хорошим топором. Дал Матвею попробовать. Матвей молча передал свой нож. Оба по очереди оценили инструмент другого. Первый разговор без переводчика состоялся на языке железа.

Гертруда и жена Матвея понимали друг друга ещё хуже. Ситуацию исправила неправильно поставленная балка. Обе женщины одновременно увидели, что мужчины собираются закрепить её криво. Гертруда закричала мужу. Жена Матвея — своему. Мужчины сначала спорили, потом проверили и обнаружили, что женщины правы. Те засмеялись так одинаково, что перевод не требовался.

Через неделю Гертруда принесла творог. В ответ получила яйца. Ни одна не знала, подарок это или обмен. Через месяц перестали считать.

Дети решили вопрос ещё быстрее. Конрад нашёл деревянную лодку сына Матвея и решил, что она ничья. Завязалась драка. Оба получили по затрещине. На следующий день сын Матвея сам принёс лодку к Фогелям и поставил перед Конрадом. Через два часа они уже вместе запускали её по ручью. Первые немецкие слова, которые дети выучили друг у друга, были не молитвами и не названиями инструментов.

Матвей узнал одно из них от собственного сына и долго пытался понять, откуда. Генрих услышал и покраснел.

— Не от Конрада.

— От кого?

Оказалось, от работника, который чинил ограду.

С этого дня Матвей понял, что язык придёт в дом раньше, чем он успеет решить, нравится ли ему это.

Первые месяцы Фогелей начались ещё до приезда — в дороге. Генрих позже рассказывал Матвею об этом уже без переводчика, пользуясь жестами и теми словами, которые оба успели выучить. Сначала продали часть вещей в Силезии, потому что три телеги не вмещали всё. Гертруда плакала из-за сундука матери. Потом пришлось бросить сломанное колесо и купить другое в незнакомом месте дорожке. Один ребёнок заболел. Несколько ночей спали в чужих сараях.

— Почему всё-таки поехал? — спросил Матвей.

Генрих долго искал слова.

— Там... — он показал рукой далеко. — Земля мало. Братья. Дети. Здесь — обещали.

— Обещали хорошо?

Генрих рассмеялся.

— Очень хорошо.

Оба посмотрели на перекошенную изгородь.

Теперь можно было смеяться.

Это изменило отношение Матвея. До разговора он видел переселенца как человека, которому Орден дал то, что могло принадлежать местным. После понял: Генрих тоже не ехал из богатства в ещё большее богатство. Он покинул место отца, потому что не видел там будущего детям. Это не делало выдачу земли справедливой автоматически. Но делало человека внутри грамоты живым.

Лето оказалось сухим.

Ручей мелел. Генрих выкопал канаву к огороду. Сначала никто не возражал. Потом ниже по течению лужа, где поили скот, стала превращаться в грязное пятно. Местные засыпали канаву. Генрих раскопал. Ночью засыпали снова.

На третий раз он пришёл к Матвею и потребовал объяснить, кто делает. Матвей ответил, что не знает. Это было почти правдой. Знал, кто способен, но не видел.

— Вода идёт через мою землю.

— Потом через нашу.

— Она всё равно уходит.

— Теперь меньше.

Без переводчика разговор закончился бы раньше. С переводчиком стал хуже, потому что каждый смог точно понять, насколько другой сердит.

Христиан приехал. Измерить влияние канавы точно никто не мог. Засуха сама уменьшала воду. Но связь была очевидна. Решили ставить метку на камне ниже по течению. Канаву открывать после вечернего водопоя и закрывать до утра. Если уровень ниже черты — не открывать вообще.

Первые недели работало.

Потом Генрих уснул.

Утром вода в лужине стояла ниже метки. Один хозяин привёл корову, животное пыталось пить грязь. Мужчина пошёл к Фогелям с таким лицом, что Гертруда спрятала детей в доме. Генрих вышел, посмотрел на корову и не стал спорить. Сам засыпал часть канавы и уменьшил поток.

Вечером принёс Матвею железный клин для дерева.

— Зачем?

Генрих не знал нужного слова. Показал на ручей. Потом на себя. Потом развёл руками.

Матвей понял. На следующий день отнёс ему сушёное мясо.

Жена спросила:

— Зачем?

— Сосед.

Слово прозвучало раньше, чем Матвей успел подумать.

Осенью дети нашли диких пчёл. Дерево стояло на участке Фогелей, но раньше туда ходили местные. Два мальчика объявили находку своей. Дочь Матвея заявила, что это она отправила их в лес, значит, часть мёда принадлежит ей. Лиза утверждала, что именно она первой увидела пчёл. Проверить ничего было невозможно.

Тулве приехал как раз в день спора. Выслушал.

— Чьи пчёлы?

— Дикие, — сказал Христиан.

— Тогда спросите у них.

Никто не оценил.

Тулве вздохнул. Дерево признано на участке Фогелей — значит, хозяину большая часть. Люди, которые нашли, получают долю. Дети — по куску сот, чтобы перестали орать. Дочь Матвея потребовала столько же. Лиза тоже.

— Почему девочки? — спросил Конрад.

Гертруда ответила ему так быстро, что переводчик не успел. Конрад больше не спрашивал.

Вечером весь двор пах мёдом. Старуха Фогелей впервые сказала, что в этой земле есть хоть что-то хорошее.

Зима проверила дом лучше лета. Крыша протекала в двух местах. Из одной стены тянуло. Молодая корова заболела. Старуха заболела ещё сильнее. Начался жар, кашель, слабость. Генрих хотел послать за человеком из орденского двора. Матвей привёл местную женщину, крещёную прусску, которая знала, как ухаживать за больными.

Старуха отказалась пить отвар, потому что не понимала, что ей дают. Гертруда заставила. Потом женщина растирала грудь, меняла воду, велела не держать помещение слишком жарким. Три ночи сидели по очереди.

Старуха выжила.

Через неделю снова жаловалась на ветер.

Матвей пришёл проведать. Она увидела женщину, которая лечила, и впервые поздоровалась с ней раньше, чем с германскими соседями.

Гертруда заметила и улыбнулась.

Весной приехали ещё две семьи.

Вот тогда Матвей по-настоящему испугался.

Не людей. Кольев.

Человек Ордена размечал новую улицу, общий колодец, участки, проход, место для выгона. Дерево вбивали в землю, и каждый кол говорил: здесь будет иначе не на один сезон.

Матвей подошёл к Христиану.

— Сколько?

— Что?

— Семей.

— Не знаю.

— Пять? Десять? Двадцать?

— Не знаю.

— Когда остановятся?

Христиан посмотрел на колья.

Ответа не было.

Позже приехал Диетрих. Выслушал споры о «свободной земле». Поселенцы были нужны: крепости требовали зерна, дороги — ремесла, рынки — людей. Но выражение «свободная земля» раздражало его всё больше. На бумаге свободной оказывалась полоса, где никто не

жил постоянно, но косили сено. Лес без дома мог быть местом, где несколько семей брали строительное дерево. Пустой берег — местом сетей.

Он приказал перед каждой новой выдачей спрашивать не только о записанной собственности, но и о пользовании. Пастбище. Вода. Сенокос. Путь. Лес. Рыбалка.

Писарь возразил:

— Всё не запишем.

— Значит, хотя бы ошибаться будем реже.

Матвей услышал и впервые подумал, что Диетрих тоже учится у земли.

Вторые семьи приехали хуже подготовленными. Один мужчина рассчитывал, что получит готовый дом. Когда увидел колья и лес, устроил скандал. Его жена молча взяла топор и начала обрубать ветки. Через час муж присоединился.

Другая семья привезла мельничные инструменты и сразу заинтересовала всех. Ручной труд на зерне отнимал слишком много времени. Начались разговоры о небольшом устройстве на воде. Тут же возник спор: кто имеет право менять течение ручья?

Матвей услышал и сказал Генриху:

— Теперь твоя очередь объяснять про воду.

Фогель засмеялся.

Проект отложили до следующего года, потому что ручей оказался слишком слабым для того, что предлагал мастер. Но сама идея показала: переселенцы приносили не только рты и документы. Инструмент, привычки, способы работы, иногда полезные всем.

Местные, в свою очередь, знали землю лучше. Где сеять. Где вода стоит. Какие зимы бывают. Какой лес рубить не стоит. Соседство превращалось в обмен знаниями медленнее, чем враждой, но прочнее.

К лету Генрих собрал первый хороший урожай. Матвей помог молотить день. Через неделю Фогель пришёл к нему и работал до темноты. Никто не договаривался о расчёте.

Вайсбут увидел поселение осенью.

Он остановил коня далеко от домов. Гиртас спросил, почему не едет ближе. Вайсбут показал: колодец, крыши, огороды, германские и прусские дети, Генрих рядом с Матвеем. Старый ответ был прост: пришли, забрали, надо сжечь.

Теперь он видел другое. Если поджечь ночью дом Фогелей, внутри будут трое детей, женщина и старуха, которая ничего у него не отнимала. Если оставить, через десять лет здесь может стоять двадцать домов. Два решения казались неправильными по-разному.

Матвей заметил его и подошёл.

— Не войдёшь?

— Зачем?

— Пиво есть.

Вайсбут посмотрел на Генриха.

— У него?

— У меня.

Вайсбут всё-таки слез с коня.

За столом было неловко. Генрих знал Вайсбута по рассказам. Вайсбут знал, откуда тот приехал. Разговаривали через Матвея. Сначала о лошадях. Потом о зерне. Потом Генрих рассказал, что в Силезии у него не было земли, которой хватило бы детям. Здесь дали возможность.

Вайсбут спросил:

— А если для твоих детей землю взяли у других?

Генрих ответил после перевода:

— Тогда это плохо. Но я приехал туда, что мне показали.

— Значит, если тебе показывают чужой дом, войдёшь?

Генрих покачал головой.

— Поэтому я спорил за дорогу.

Матвей переводил медленно. Вайсбут не нашёл удобного врага.

Когда они уезжали, Гиртас сказал:

— Пиво плохое.

— Нормальное.

— Я пытаюсь помочь тебе ненавидеть.

Вайсбут засмеялся.

Первый общий праздник урожая произошёл случайно. Генрих закончил молоть. Матвей помогал. Потом пришли ещё двое соседей. Гертруда принесла еду. Кто-то достал пиво. К вечеру собрались семьи.

Старые прусские песни никто из германцев не понимал. Потом один переселенец запел свою. Слова не понимали уже местные. Дети слушали обе и пытались повторять припевы.

Вайсбут в тот день не был. Сурва был.

Он сидел у края стола, смотрел на смешанную компанию и сказал Матвею:

— Через двадцать лет никто не вспомнит, кто первый пришёл к кому.

— Это плохо?

— Не знаю.

— Ты сегодня удивляешь.

— Я иногда умею.

Сурва показал на детей.

— Только пусть помнят имена дедов.

Матвей кивнул.

В этом они были согласны.

К зиме поселение получило официальное имя. Писарь произносил его с гордостью. Местные называли место по старому ручью. Генрих употреблял оба варианта. Дети — какой попадётся.

Между домом Матвея и Фогелями появилась колея. Никто не планировал. Сначала бегали дети. Потом женщины. Потом телеги. В одном месте вода размывала землю. Генрих положил хворост в одну колею. Матвей — в другую.

Христиан остановился однажды.

— Кто разрешил дорогу?

Матвей не понял шутки.

— Там они. Здесь мы.

Этого оказалось достаточно.

Христиан поехал дальше и не стал объяснять себе, что означает новая дорога. В последнее время слишком многое росло без приказа. Возможно, именно поэтому росло лучше.

Следующей весной выяснилось, что официальное имя поселения никто не использует одинаково. Писарь сердился. Генрих произносил одно. Местные — старое название ручья. Дети сокращали оба.

Однажды писарь потребовал:

— Нельзя жить в месте, которое каждый называет иначе.

Тулве ответил:

— Можно. Люди жили так до писарей.

Писарь хотел возразить, но не нашёл исторического примера, где это было бы невозможно.

Так место получило сразу несколько имён. В книге — одно. В речи — больше.

Через несколько лет Генрих впервые получил письмо из Силезии. Писарь прочёл. Старший брат умер. Землю разделили между оставшимися. Мать Генриха спрашивала, вернётся ли он когда-нибудь.

Генрих сидел долго. Матвей пришёл вечером и увидел письмо на столе.

— Плохое?

Генрих объяснил как смог.

— Поедешь?

— Нет.

— Почему?

Фогель показал вокруг. Дом. Огород. Детей.

— Здесь.

Матвей понял: переселенец перестал быть человеком, который временно приехал за землёй. У него появился новый дом, за который он теперь тоже будет держаться.

— А мать?

Генрих опустил глаза.

— Далеко.

Матвей не нашёл ответа. Он всю жизнь жил рядом с могилами своих. Впервые подумал о цене переселения не для того, кто получает участок, а для родителей, оставшихся за сотни дорог.

Через месяц Генрих отправил ответ и деньги. Писарь написал по его словам. Матвей стоял рядом и заметил, как тот несколько раз просит изменить одну фразу. Хотел, чтобы мать не подумала, будто он забыл.

Земля могла стать новой родиной. Это не означало, что старая перестала болеть.

ГЛАВА 22

ДВА ЯЗЫКА

Первым немецким словом, которое сын Матвея произнёс без ошибки, оказалось ругательство.

Он сказал его возле сарая так уверенно, что Генрих Фогель остановился с охапкой досок. Матвей тоже услышал. Оба посмотрели на мальчика. Тот сразу понял, что слово имеет больший вес, чем предполагал, и попытался сделать вид, будто говорил не он.

— Конрад? — спросил Матвей.

Генрих покачал головой. Провели короткое расследование. Выяснилось: слово мальчик услышал от германского работника, который ударил молотком по пальцу. Дочь Матвея объяснила всё быстрее взрослых.

Отец повернулся к ней.

— Ты давно понимаешь?

Она пожала плечами.

— Немного.

— Сколько?

— Когда медленно. Лизу лучше. Она нормально говорит.

Генрих засмеялся после перевода. Матвей почувствовал себя старым рядом с собственными детьми.

До этого чужая речь была для него инструментом. Он знал слова дороги, суда, торговли: вода, мешок, долг, земля, свидетель, стой, сколько. Этого хватало, чтобы не потеряться. Дети не признавали такого разделения. Они брали слово там, где оно было удобнее, и не спрашивали, кому оно принадлежит.

Жена Матвея сказала вечером:

— Если хочешь, чтобы они говорили по-нашему, говори с ними.

— Я говорю.

— Ты в основном спрашиваешь, сделана ли работа.

— А что ещё?

Она посмотрела так, что вопрос пришлось снять.

Через несколько недель язык перестал быть забавой.

Спор начался из-за телёнка.

Германский поселенец по имени Рудгер утверждал, что купил животное у прусса Ликко. Деньги передал при свидетелях. Ликко отвечал: телёнка дал на время, пока корова Рудгера кормит плохо; деньги были платой за пользование и корм.

Оба употребляли слово, которое переводчик прежде передавал одинаково. Свидетели слышали разговор, но знали второй язык плохо. Рудгер кричал, что заплатил цену. Ликко — что никогда не продал бы единственного хорошего телёнка перед зимой.

Христиан несколько раз заставлял их повторить фразы в том виде, как они звучали тогда. Ничего не помогло.

У двери стоял двенадцатилетний сын Ликко. Скучал. Потом сказал что-то отцу. Все повернулись.

— Что?

Мальчик объяснил: Рудгер в тот день спросил, может ли «взять» телёнка до весны. Ликко ответил — да, если заплатит. Рудгер произнёс слово, которое в его речи могло значить «забрать за плату», а Ликко понял «держат у себя». Мальчик играл с детьми переселенцев и слышал обе формы чаще взрослых.

— Почему раньше молчал? — спросил отец.

— Думал, вы понимаете.

Самая неприятная часть спора заключалась именно в этом.

Телёнка вернули Ликко. Часть денег оставили Рудгеру как ошибочно уплаченную цену, часть — Ликко за корм и время. Никто не был счастлив. Зато после этого на рынке слово «продать» стали произносить с такой демонстративной чёткостью, что над Рудгером смеялись ещё месяц.

Христиан понял другое: переводчик получает слишком много власти. Человек произносит десять слов, переводчик может сделать девять, двенадцать, смягчить угрозу или превратить сомнение в обещание.

Он рассказал Диетриху. Тот спросил:

— Что предлагаешь?

— В важных делах двоих.

— Дорого.

— Дешевле войны из-за слова.

Диетрих согласился. Писари возненавидели новое правило сразу. Два переводчика иногда полчаса спорили о значении одной фразы. Но человек хотя бы слышал, что именно записывают от его имени.

Сурва заметил перемены позже всех и поэтому сильнее.

Он приходил не каждый день. Однажды остановился за домом Матвея и услышал детей. Сын брата говорил по-прусски, Конрад отвечал смесью, Лиза по-немецки, дочь Матвея переводила младшим. Сурва простоял минуту, потом зашёл в дом мрачный.

За ужином начал спрашивать племянника названия вещей. Дерево. Ручей. Часть плуга. Старая дорога. Мальчик отвечал. На одном слове употребил германское.

— Не так, — сказал Сурва.

— Генрих так говорит.

— Генрих не твой отец.

Матвей поднял глаза.

— Не начинай.

— Я учу.

— Нет. Ты пугаешь.

— Потом будет поздно.

Жена Матвея ударила ложкой по столу.

— Если вы сейчас начнёте спорить, я буду говорить так, чтобы никто из вас не понял.

Сурва засмеялся первым. Напряжение ушло, но вопрос остался.

Позже братья вышли к ограде.

— Я не хочу запрещать ему чужие слова, — сказал Сурва.

— Тогда чего?

— Чтобы свои слышал не реже.

Матвей раздражённо:

— Это всё?

— А что ты ждал? Что я предложу вырвать ему язык?

Матвей промолчал. Совет был прост, поэтому особенно неприятен: ответственность лежала не на Фогелях, а на нём.

С этого дня он начал рассказывать детям больше. Не учить списки слов. Истории. Как отец называл лес. Где они с Сурвой ловили рыбу. Как мать ругала их одним выражением, которое детям показалось смешным. Почему один ручей называется так, а не иначе. Иногда Матвей не знал происхождения названия и честно говорил: не знаю.

Язык возвращался вместе с памятью.

Генрих делал то же по другую сторону ручья. Его мать заставляла внуков слушать рассказы о Силезии. О реке, церкви, соседях, зимах, которые, по её словам, были «настоящими, а не этой сырой мерзостью». Конрад скучал. Лиза задавала вопросы. Петер засыпал. Но слова звучали.

Оба дома, не сговариваясь, начали защищать прошлое не запретом, а рассказом.

Третий язык принёс священник.

Латынь звучала в службе давно, но теперь он предложил учить нескольких детей чтению.

Матвей спросил, зачем его сыну читать. Священник ответил:

— Чтобы читать.

— Это я понял. Зачем?

Жена вмешалась:

— Каждый раз, когда тебе показывают грамоту, ты зовёшь писаря.

Матвей посмотрел на неё.

— Ты сегодня решила быть против меня?

— Нет. Сегодня ты сам справляешься.

Сына отдали учиться.

Первые недели он ненавидел буквы. Потом однажды писарь показал ему запись о семье. Мальчик узнал собственное имя. Потом имя отца.

— Здесь ты.

Матвей смотрел на знаки, которые сам не мог прочесть.

— Откуда знаешь?

— Потому что выучил.

Гордость пришла вместе с тревогой. Сын уже мог видеть то, что отец должен был просить прочесть. Через несколько лет мальчик сможет знать содержание документа раньше взрослого Матвея.

Вечером Матвей рассказал Сурве.

Тот спросил:

— На каком языке читает?

— Пишут по-латыни.

— Значит, ещё один.

— Да.

Сурва задумался.

— Пусть учит.

Матвей удивился.

— Я думал, будешь против.

— Почему? Если они пишут нашу землю, лучше пусть хоть кто-то из наших умеет читать. Уроки чтения быстро превратились в отдельную маленькую войну между детьми и писарем. Он привык к взрослым, которые приходили с делом и боялись книги. Дети книги не боялись. Они скушали.

Один мальчик рисовал на полях рожицу. Лиза Фогель читала медленнее, но аккуратнее. Сын Матвея угадывал слово по первой букве и часто ошибался. Дочь Матвея запоминала быстрее всех и вскоре начала помогать младшим.

Писарь однажды сказал Матвею:

— Девочку надо учить дальше.

Матвей насторожился.

— Зачем?

— Потому что умеет.

— И что потом?

— Не знаю. Читать будет.

Жена Матвея слышала.

— Этого мало?

Он посмотрел на неё и понял, что снова проиграл до начала спора.

Дочь продолжила.

Через год она могла читать простые записи и считать лучше отца. Это изменило домашнюю власть незаметно. Матвей приносил с рынка записку и спрашивал дочь. Сначала смущался. Потом привык.

Сурва увидел однажды.

— Теперь ребёнок объясняет тебе, что написал Орден?

— Да.

— Хорошо.

Матвей ожидал насмешки.

— Почему хорошо?

— Потому что раньше объяснял чужой взрослый.

Опасность переводчика проявилась в одном судебном деле. Молодой человек, знавший оба языка, переводил жалобу старого прусса на германского ремесленника. Христиан заметил странность: жалобщик говорил долго и сердито, перевод получался коротким и почти спокойным.

Попросили второго переводчика.

Выяснилось: первый смягчал. Не из злобы. Он боялся, что резкие слова приведут к наказанию старика.

— Я хотел помочь.

Христиан ответил:

— Ты изменил его слова.

— Но смысл...

— Чей смысл?

Человек замолчал.

Старик, узнав, что его ругань переводили приличнее, рассердился сильнее на переводчика, чем на ремесленника.

После этого в важных делах стали сначала предупреждать: переводить не «лучше», а точнее. Если человек ругается — сказать, что ругается. Если сомневается — не превращать в согласие.

Сантирм, услышав позднее об этом правиле, сказал:

— Тогда переводчиков будут бить чаще.

Христиан признал: возможно.

На рынке язык однажды едва не закончился кровью.

Два молодых человека слышали похожее слово. В одном говоре оно было обычным, в другом звучало как оскорбление. Первый решил, что над ним смеются, ударил второго. Тот ответил ножом — к счастью, рукоятью. Собралась толпа.

Разбирали долго. Выяснилось, что грубость всё-таки прозвучала, но совсем другая и раньше. Первый ударил не за то слово, которое услышал, а за смысл, который придумал.

Тулве, находившийся рядом, сказал:

— Перед тем как бить, проси повторить медленно.

Фраза стала рыночной шуткой.

Через месяц двое мужчин кричали друг на друга, и третий крикнул: «Медленно! Он ещё не понял, за что драться!» Даже спорщики засмеялись.

Но не все смешивались легко.

Один старый прусс отказался продавать зерно человеку, который обращался к нему только по-немецки, хотя переводчик стоял рядом. Сказал: если живёшь здесь третий год, выучи хотя бы приветствие. Германец ответил, что за зерно платит серебром, а не словами. Сделка сорвалась.

Через неделю тот же человек пришёл снова.

— Доброе утро, — сказал по-прусски так плохо, что старик сначала не понял.

Потом понял и продал.

Не дешевле.

Язык редко отменял цену.

Осенью умерла мать Гертруды.

Не от болезни, которую пережила раньше. Просто однажды не встала. Накануне жаловалась на холод, плохо приготовленную кашу и то, что Конрад говорит «как местный». Утром Гертруда нашла её спокойно лежащей.

На похоронах собрались германцы и пруссы. Священник служил. Матвей стоял с семьёй. Женщина, которая когда-то лечила старуху, пришла первой. Сурва тоже появился, но остался у двери.

После службы Генрих поставил еду и пиво. К вечеру разговоры смешались. Люди помогали друг другу словами, жестами, третьими людьми. Тулве заметил, что после достаточного количества пива переводчик становится почти не нужен.

— Твой способ мира? — спросил Матвей.

— Дорогой. И до утра.

За другим столом Конрад рассказывал что-то сыну Матвея. Подошёл мальчик из дальней деревни и спросил, почему тот разговаривает с германцем странно.

Сын Матвея задумался.

— Чтобы он понял.

Матвей слышал.

Не потому, что хочет стать германцем. Не потому, что забыл отца. Чтобы другой понял.

Этого объяснения ему хватило больше, чем всех предыдущих разговоров.

Смешение речи вызывало страх не только у старших. Однажды Конрад Фогель сам пришёл к Матвею. Спросил через дочь:

— Я говорю плохо?

— На каком языке?

Мальчик замялся.

— На обоих.

Оказалось, другие германские дети смеялись над его произношением: он набрал местных слов и говорил иначе, чем приехавший недавно мальчик из Силезии.

Матвей не знал, как утешать чужого ребёнка по поводу немецкой речи. Сказал:

— Я говорю по-немецки хуже.

Конрад посмотрел.

— Но ты прусс.

— А ты живёшь здесь.

Мальчик подумал и ушёл не совсем довольный, но спокойнее.

Вечером Генрих поблагодарил. Матвей спросил:

— За что?

— Не знаю. Он пришёл домой и сказал, что говорит «по-здешнему».

Оба рассмеялись.

Так появлялась речь места — не чистая ни для одной стороны и потому особенно раздражавшая тех, кто приезжал позже.

К концу второго года Фогелей перестали называть новыми. Они стали семьёй у ручья. Генрих по-прежнему говорил иначе. Гертруда знала уже достаточно прусских слов, чтобы ругать детей соседей без помощи переводчика. Лиза могла объяснить цену на рынке. Конрад путал окончания и не стеснялся.

Однажды дети строили из палок сложное сооружение. Половина — дом, половина — крепость, между ними деревянный проход. Христиан услышал незнакомое слово.

— Что это?

Дети показали на проход.

— По-немецки?

Нет.

— По-прусски?

Нет.

— Тогда как?

— Наше.

Они сами придумали название.

Вечером Матвей спросил сына:

— На каком это языке?

Мальчик пожал плечами.

— На нашем.

— Чьём «нашем»?

Ребёнок не понял вопроса.

Матвей не стал объяснять.

Возможно, иногда взрослому лучше вовремя замолчать.

К подростковому возрасту дочь Матвея стала нужна не только семье. Её начали просить читать простые записки соседям. Сначала бесплатно. Потом приносили яйца, ткань, хлеб. Матвей заметил и спросил:

— Ты теперь писарь?

— Нет.

— Тогда почему тебе платят?

— Потому что умею то, что им нужно.

Тулве, услышав, одобрил:

— Наконец в семье человек с правильной профессией.

Матвей посмотрел недобро.

Но появилась и проблема. Одна женщина принесла запись о долге и попросила дочь Матвея объяснить. Девочка прочитала, но не поняла юридического смысла. Женщина решила, что срок уже прошёл и платить не надо. Через неделю возник скандал.

Писарь вызвал девочку и сказал:

— Читать слова и понимать документ — не одно.

Она покраснела.

— Я не хотела обманывать.

— Знаю. Поэтому учись говорить «не знаю» там, где не знаешь.

Матвей услышал и потом сказал:

— Я этому учился сорок лет.

Дочь улыбнулась.

— Ты ещё не научился.

Он рассмеялся.

Так грамотность входила в общину не только как власть, но и как новая ответственность. Ошибка ребёнка, умеющего читать, могла повлиять на взрослого человека сильнее ошибки неграмотного старика.

ГЛАВА 23

КРЕЩЕНИЕ КОРОЛЯ

Миндаугас ещё не был королём. Зимой 1251 года ему прежде всего требовалось остаться правителем.

Гонцы приходили один за другим. Таутвила жив. Эдивиды поддерживают. Викинт держит связи с жемайтами и ятвягами. Из Галича и Волыни ждут новую помощь. Рига принимает Таутвила, и хуже всего — он крестился. Теперь противник Миндаугаса был не просто родственником, оспаривающим власть. В глазах латинского мира он мог выглядеть христианином, которого допустимо поддержать против языческого правителя.

Морта услышала новости вечером. В комнате было холодно: огонь горел, но стены держали зиму лучше тепла. Миндаугас ходил от стола к двери и обратно.

— Сядь, — сказала она.

— Не хочу.

— Тогда хотя бы ходи медленнее. Я устаю смотреть.

Он остановился.

— Таутвила крестился.

— Знаю.

— Теперь у него Рига.

— У тебя что?

— Люди.

— Люди уходят.

Он резко повернулся. Морта не отступила.

— А тебя кто назовёт своим? — спросила она.

Это был вопрос не о вере. Пока.

Андреас фон Штирланд приехал не как проповедник. С ним были братья, священники, переводчики и вооружённые люди. Первая беседа началась с войны. Таутвила. Рига. Границы. Земли. Возможность мира. Ливонскому ордену не было выгодно бесконечно поддерживать претендента, который ещё должен победить, если можно договориться с человеком, уже властвующим.

Миндаугас спросил прямо:

— С другим нельзя?

— Можно, — ответил Андреас.

— Тогда почему я?

Магистр не стал украшать.

— Потому что ты уже держишь власть. Другому сперва придётся взять её, потом доказать, что способен удержать и выполнить обещанное.

— Значит, вы продаёте поддержку тому, кто удобнее?

— Ты тоже выбираешь союзника не за красивое лицо.

Миндаугас усмехнулся. Разговор стал честнее.

О крещении заговорили позже. Священник объяснял учение Церкви, единого Бога, грех, спасение, крещение, исповедь, брак, обязанности христианского государя. Миндаугас слушал без видимой насмешки. Потом спросил:

— Если я крестюсь, Таутвила перестанет быть христианином?

— Нет.

— Значит, у вас будут два христианина, которые хотят убить друг друга.

Андреас ответил:

— Это не редкость.

Несколько людей в комнате сделали вид, что не услышали.

Миндаугас кивнул. Именно это ему и требовалось знать: крещение не отменит войны. Но изменит её язык. У Таутвилы исчезнет преимущество человека, которого можно выставить христианским претендентом против язычника. Миндаугас сможет искать покровительство папы. Орден получит союзника. Каждый сохранит собственный расчёт.

Слишком легко было бы на этом решить, что вера — только инструмент.

Миндаугас не решал.

До окончательного решения о крещении Миндаугас ещё раз встретился с Андреасом без большого совета. Не в торжественной комнате, а у конюшен, где было легче говорить без десятка ушей. Магистр пришёл посмотреть на коней и сам удивился, когда правитель предложил пройти.

— Таутвила в Риге чувствует себя уверенно, — сказал Миндаугас.

— Не настолько, как тебе кажется.

— Почему?

— Потому что человеку, который хочет чужой трон, всегда обещают больше, пока трон не его.

— А мне обещают меньше?

— Тебе можно требовать исполнения сразу.

Миндаугас кивнул. Это был тот язык, который он понимал.

— Если я крещусь, вы прекращаете помогать ему?

— Мы заключаем мир с тобой.

— Не ответ.

Андреас вздохнул.

— Да. Орден не будет поддерживать его против христианского правителя, с которым заключён союз, если ты выполняешь условия.

— «Если».

— Ты тоже оставляешь «если» в каждом обещании.

Они дошли до ряда коней. Миндаугас остановился возле серого жеребца.

— А если Рига хочет другого?

Магистр посмотрел. Вопрос касался напряжения между орденской и епископской властью.

— Рига не одна.

— Именно поэтому спрашиваю.

Андреас улыбнулся без веселья.

— Ты быстро учишься христианской политике.

— Политика была до крещения.

Ночью он говорил с Морттой.

— Они хотят земли.

— Конечно.

— И крещения.

— Тоже.

— И чтобы я зависел.

— От них?

— От того, что они помогли.

Морта поправила покрывало на плечах.

— А ты хочешь корону.

Миндаугас посмотрел.

— Ещё нет короны.

— Но уже хочешь.

Он сел напротив.

— Кто не хочет?

— Тогда зачем делаешь вид, что всё дело в Боге?

Миндаугас раздражённо:

— Я не хочу смеяться над Богом, которого приму ради войны.

Морта помолчала.

— Тогда не смейся.

— Очень просто.

— Нет. Просто сказать. Жить будет труднее.

Она не была богословом. Возможно, уже знала о христианстве больше мужа, возможно, слышала проповеди раньше. Но её мысль была понятна: человек может прийти к вере через страх, надежду, брак, политический расчёт. Вопрос в том, останется ли после того, как причина изменится.

Миндаугас несколько раз говорил со священником без Андреаса.

Спрашивал о браке. О посте. Об исповеди. О том, что будет с людьми, которые не захотят креститься вместе с правителем. Можно ли управлять ими? Должен ли заставлять? Что делать с обычаями, которые священник не понимает? Что считается идолопоклонством, а что просто привычкой рода?

Священник иногда говорил «не знаю».

Это понравилось Миндаугасу больше всего.

— Остальные отвечают быстрее.

— Остальные умнее меня.

— Или боятся паузы.

Однажды он спросил:

— Если я после крещения убью врага в войне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.